

ВАСИЛИЙ *Grandmaster* ГОЛОВАЧЕВ

Бич времен

Смутное время

Василий Головачев

Бич времен

«ЭКСМО»

Головачев В. В.

Бич времен / В. В. Головачев — «Эксмо», — (Смутное время)

ISBN 5-04-000451-6

Далеко шагнувшая земная наука позволила ученым задумать и взяться за реализацию суперпроекта по бурению временных пластов протяженностью в миллиарды лет. Но внезапно объявившиеся хронокиллеры повернули ход эксперимента в опасное для существования Вселенной русло. В результате этого вмешательства природа словно сошла с ума, освободив жуткие и таинственные стихии, способные стереть в порошок не только нарушителей пространственно-временного баланса, но и целые вселенные со всеми их особенностями.

ISBN 5-04-000451-6

© Головачев В. В.

© Эксмо

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	36
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	48
Часть II	51
Глава 1	51
Глава 2	57
Глава 3	63
Глава 4	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Василий Головачев

Бич времен

Настеньке

*Одни мы над миром владыки,
Нам зверь подчиняется дикий
И травы зеленых полей...*

М. Тарловский.
Иронический сад

Часть I

НАМ ЗВЕРЬ...

Глава 1

Первое предупреждение Павел Жданов получил еще на Земле, перед очередным инспекционным вояжем в систему Каптейна. Но в табели о рангах службы безопасности УАСС¹ он был грифом, то есть гранд-инспектором формирования безопасных зон, не боялся ни бога, ни черта и звонок по видео, без обработки (абонент не представился), принял за чью-то недобрую шутку. Тогда он еще не знал, что такие же точно предупреждения получили все грифы галактической службы и лучшие оперы на Земле.

Второе предупреждение было более ощутимым и серьезным и заставило Павла переоценить качество своей интуиции. Он родился паранормом и должен был почувствовать глубину опасности и угрозы еще во время первого звонка.

Произошло это событие в системе звезды Гевелия – альфы Рыси, куда Жданова направили для расследования обстоятельств гибели исследовательской станции и пропажи модуля с грифом Геворком, который начал расследование и исчез.

Система Гевелии состояла из центральной звезды, двух планет с атмосферами из азота и водорода, кометных облаков и широкого пылевого пояса с четырьмя сгущениями. Ученые подозревали, что сгущение – протопланеты в стадии образования ядер, и интерес их был понятен.

Исследовательская станция, запущенная в пылевой пояс, прекратила связь спустя трое суток. Перестала работать и система метро², соединяющая станцию с базовым кораблем «Рысь». Таким образом, одиннадцать членов экипажа станции, защищенной от всех мыслимых катаклизмов, канули в неизвестность, как и Алим Геворк, гриф из группы «Астро-аскер», посланный в систему Рыси через двое суток после того, как безопасники «Рыси» признались в бессилии разгадать тайну молчания станции. Ушел в поиск Геворк на модуле типа «Коракл», способном окунуться в атмосферу любой звезды, не то что в пылевой пояс. И замолчал.

Жданов появился на базовом корабле в тот момент, когда техникам удалось нащупать в облаке пыли модуль «Коракл», ведомый Геворком. К модулю он стартовал в составе тревожной группы из трех шлюпов, но по уровню ответственности имел право руководить группой

¹ УАСС – Управление аварийно-спасательной службы.

² Метро – система мгновенного транспорта (возврат старого термина самого удобного и массового вида транспорта XX в.).

и действовать самостоятельно. Что он и сделал, отправившись к модулю Геворка один, после того как шлюпы обнаружили двадцатиметровый граненый цилиндр пропавшего аппарата.

Подстыковаться к модулю удалось со второй попытки, автоматика его не сразу сообразила, что от нее требуется. Это указывало либо на отсутствие пилота на борту, либо на потерю пилотом сознания, и Павел рискнул проникнуть в шлюп один, оставив обойму сопровождения ждать сигнала.

Его встретили в кокон-рубке модуля.

Распахнув «лотос» люка, Павел в невесомости вплыл в рубку – генератор тяготения не работал – и получил мощный удар по сознанию (стреляли из суггестора «слон», подавляющего волю), от которого пришел в себя уже через несколько секунд, но сделал вид, что воля его подавлена. Сквозь прищуренные веки он увидел лежащего ничком у распахнутого кресла Геворка, а над ним двух молодых людей в стандартных кокосах³, один из которых держал в руке суггестор, а второй – «универсал». В глазах обоих безжалостное равнодушие и деловитая сосредоточенность – ни угрозы, ни ненависти, ни злобы. Именно это обстоятельство и заставило Павла собраться.

– Кто... вы? – вяло спросил он.

Молодые люди переглянулись, причем один из них озабоченно посмотрел на гипноизлучатель.

– Я думал, он получит нокаут, – сказал брюнет с тонкой ниточкой усов. – Добавить?

– Он уже не опасен, хотя и держится.

– Кто... вы? – повторил вопрос Павел.

– Санитары, – без улыбки ответил брюнет. – Вы не вняли первому нашему предупреждению, как и этот парень, – брюнет кивнул на Геворка, – и нам пришлось применить определенные усилия, чтобы выйти на вас обоих здесь.

– Он... жив? – Павел попытался на расстоянии определить состояние инспектора, но не услышал ни шума его мыслесферы, ни стука сердца.

– Он в коме, но спасти его еще можно... если вы согласитесь последовать совету: не вмешивайтесь!

– Во что?! – изумленно спросил Павел.

– Ни во что! Не соглашайтесь ни на одно задание, которое вам попытаются дать по службе, сошлитесь на усталость, улетайте на отдых куда угодно – и будете жить долго.

– Я привык решать вопросы своего досуга сам. Пока не узнаю причины, ничего обещать не буду.

– Тогда вы умрете!

– Ребята, я не уважаю такие шутки. – Голос инспектора зазвучал уверенно. – А вы плохо представляете, с кем имеете дело. Попрошу сдать оружие и следовать за мной. Шлюп окружен обоймой поддержки.

Брюнет шевельнул стволом суггестора, но выстрелить не успел: Жданов туго толкнул от себя воздушную волну, заставившую двух террористов отлететь назад, вогнал организм в режим ускорения и прыгнул к «санитарам», в доли секунды отнимая оружие у обоих. Сражаться в невесомости молодые люди не умели.

Однако боя не получилось. Оба тоже владели темпом и ускользнули от новой атаки, ловко выбираясь в тоннель выхода «Коракла».

– Третьего предупреждения не будет, – услышал Павел обещание брюнета, после чего парни исчезли в транспортном отсеке модуля, где им был установлен микроблок метро. Когда Жданов проник в отсек, его встретила тусклая зеленая вспышка сработавшего канала. И лишь после этого в ухе пискнула рация обоймы сопровождения:

³ Кокос – компенсационный костюм спасателя, универсальный защитный скафандр.

– Инспектор, что там у вас стряслось? Почему молчите? Мы регистрируем всплеск энергии.

– Пилот без сознания, – ответил Павел, глядя, как тает установка метро, и понимая, что ему никто не поверит. – Забирайте его. – Он перешел на другую частоту, связываясь с прима-пилотом «Рыси». – Командир, в составе экипажа станции был кто-нибудь из опытных безопасников?

– Шеф сопровождения Борисов из отряда «Астро-аскер».

Павел вспомнил кряжистого медлительного здоровяка с седой шкиперской бородкой и седой шевелюрой, мощного и спокойного. Кивнул сам себе: видимо, Борисов тоже не внял предупреждению «санитаров» и его «выключили» вместе со всем экипажем станции... Павел покачал головой, не находя причин превентивной и столь жестокой деятельности неизвестных террористов.

– Бред!

– Что? – не сдержал удивления прима-пилот.

– Это я не вам, – вздохнул Павел, – извините. Пилота модуля сейчас доставят на борт, организуйте линию метро в клинику Управления. Я продолжаю поиск.

– Только что получен циркуляр «три девятки» по треку: «Инспектору Жданову срочно убыть на Землю в распоряжение комиссара-два Ромашина».

Павел присвистнул про себя, чувствуя, как сжимается сердце, и подумал, что «санитары», кто бы они ни были, предупреждали его, очевидно, не зря. Оставалось выяснить, во что он не должен был вмешиваться.

Глава 2

Осветители погасли, и колонна хроноквантового ускорителя, называемая в обиходе исследователей и строителей просто Стволом, растаяла на фоне ночного неба.

Атанас Златков, начальник хронолаборатории и научный руководитель эксперимента, разгладил ладонями уставшее лицо, снял с головы дугу эмкана и встал из-за пульта. Тотчас же огни на вычурной панели пульта побледнели, стали гаснуть, втягиваться в толщину доски, пока не остались редкие огоньки дежурных смен. Дуга эмкана превратилась в струйку металла, влившегося в панель, а сама панель изменила форму, преобразовалась в «ромашку ожидания». Свернулись и остальные пульта, кроме одного, за которым остался дежурный оператор Толя Шкодан.

– Я тоже останусь, – буркнул в спину Златкову инженер-хрономеханик Игорь Марич. – Поколупаюсь в бункере Н.

Начальник лаборатории глянул на часы – шел третий час ночи, пожал плечами.

– Начало эксперимента в десять часов утра, вряд ли ваше присутствие здесь до этого момента целесообразно. Однако, если хотите, оставайтесь.

Марич глянул в непроницаемые глаза ученого, не увидел в них ничего, кроме усталости и ожидания, и заготовленную язвительную реплику проглотил.

Златков еще раз пробежал глазами по панели дежурного пульта, попрощался со Шкоданом, медленно поплелся из зала, а затем из здания лаборатории, расположенной в полукилометре от хроноускорителя-Ствола. За ним, поколебавшись немного, ушел и Марич, но потом вернулся в бункер независимой аппаратуры, за работу которого отвечал лично. Утром их ждал Большой эксперимент – включение хроноквантового бура, который, по мысли ученых, должен был «просверлить» время в прошлое на сотни миллионов лет. До этого момента выходы Ствола в прошлое соответствовали тысячам и десяткам тысяч лет, да и бур при этом включался «шепотом», в режиме хронопризрака.

Здание лаборатории, простое и незатейливое по форме, как кирпич, окончательно оделось в саван полутьмы. Погасли последние окна различных отделений и служб, разошлись по домам возбужденные специалисты, ответственные за проведение эксперимента в своих зонах контроля. В лаборатории остались всего несколько человек за пультами связи и мониторов охраны. Все шумы и звуки стихли, лишь ночные птицы продолжали перекликаться в лесах вокруг комплекса зданий, да и они вскоре замолкли.

Толе Шкодану шел двадцать восьмой год, и работал он со Златковым уже пять лет, с момента окончания университета. Был он человеком флегматичным, упрямым, любил во всем разбираться до мелочей и потихоньку вырастал в ученого, имеющего свои концепции устройства Мироздания. Эксперимент он готовил со Златковым давно, хотя пришел в Центр хронобурирования, когда Ствол уже был практически законченным сооружением. Со многими идеями начальника лаборатории Толя согласен не был, особенно в области прогнозирования работы хронобура, многие его собственные идеи были отвергнуты Златковым, однако это не мешало ему чувствовать такой же подъем, как и у остальных участников эксперимента, и жажду сравнить точность расчетов и адекватность подходов – своего и шефа.

В четвертом часу ночи Шкодан очнулся от непонятного шума за спиной. Оглянувшись, он увидел надвигающуюся на него полупрозрачную фигуру и потерял сознание от импульса суггестора, не успев ни задать вопроса, ни сообразить, что происходит.

Точно таким же образом были обезврежены еще двое дежурных в недрах здания, обслуживающие энергетические и обрабатывающие системы. А затем в залах лаборатории объявились группы существ, из которых лишь трое-четверо были людьми. Они развернули пульта управления хозяйством лаборатории, провели короткий контроль функционирования ускорителя.

теля и привели в чувство Шкодана, который знал коды включения всей гигантской системы Ствола.

Когда Анатолий понял, чего от него хотят, он не стал выяснять, кто перед ним и зачем им коды, он просто ответил «нет» и продолжал говорить, несмотря на последовавшие гипнодопросы и попытки электрошоковым аппаратом. И тогда пришельцы развернули нейрохирургический бокс, сделали молодому ученому лазерную терапию черепа и вошли в его мозг с помощью сканера, применявшегося для лечения пациентов с обширным поражением мозга. Вряд ли разработчики медицинской аппаратуры предполагали, что их идеи, спасшие жизни миллионам людей, могут быть использованы как средства казни или оружие.

Спустя минуту после подключения сканера к мозгу Анатолия террористы знали все, что им было нужно для запуска хроноускорителя. Еще через несколько минут начался «разгон» хронобура. Эксперимент, которого ждали десятки знаменитых ученых, сотни инженеров и тысячи людей на всем земном шаре, начался на шесть часов раньше, чем было запланировано, и не в расчетном режиме.

Катастрофа произошла через две минуты после включения хроноускорителя-Ствола, проколовшего время в прошлое на миллиарды лет.

Автоматические видеокамеры высотной капсулы метеопатруля, обзоревавшие просторы европейской тайги, включились именно в тот момент, когда двухкилометровая башня хроно-квантового ускорителя внезапно вспыхнула голубым мигающим светом, с ее вершины сорвалась в небо исполинская голубая молния, вздрогнула земля, чудовищный вихрь ударил во все стороны от стен башни, вырывая с корнем сотни и тысячи деревьев. На крыше башни набухла опухоль голубого сияния, пролилась по стенам на землю, как вода через край стакана, и покати́лся по лесу кольцевой вал голубого пламени, оставляя за собой спекшуюся от жара лесную почву...

Булькающий гул, грохот и невероятный свистящий вой раскатились по холмам и равнинам на многие десятки километров, будя спящих, вызывая у бодрствующих недоумение и тревогу...

Здание лаборатории времени возле башни ускорителя уцелело, но выглядело странно – будто стены покрыли белой светящейся краской, зато провалы окон в них стали черными. Башня перестала светиться, потемнела, вершина ее потеряла плотность, превратилась в зыбкий дрожащий столб, исчезающий на высоте двух с половиной километров.

Гул стих, и на ночную землю, в уцелевшие леса, пришла пощелкивающая кастаньятами неестественная тишина...

Глава 3

Вездеход выгрузил их на лесной поляне, краем выходившей на покинутую деревню с необычным названием Скрабовка. В деревне уцелело всего несколько домиков, крытых соломой, серой от непогод и времени. Веяло от них запустением и старостью, неприкрытой крестьянской бедностью начала века, хотя водитель вездехода, местный старожил, рассказывал, что деревня покинута недавно, года четыре назад. Когда-то через нее тянулся Дятковский тракт, обходивший болото и приток Ветьмы Пожну, но потом болото пересохло, через Пожну построили мост, тракт опустел, а когда люди, соблазненные благами цивилизации, перебрались в райцентр, деревня захирела и умерла совсем.

– Не скучайте, – сказал белобрысый, словно в соломенном парике, водитель. – Через пару дней доставлю остальное ваше барахло. Ну, ни пуха...

Вездеход взревел по-бычьему, всплыл над землей, почти касаясь травы резиновыми бортами воздушной подушки, и, ускоряя ход, пополз по дороге. Тугая воздушная волна пригнула траву, сдула пыль с поросшего подорожником и снытью тракта и сорвала с головы Рузаева берет.

Когда вездеход скрылся за деревьями, Сурен Гаспарян, одетый как на прием в посольстве, поставил на землю рюкзак, сел на него верхом и хмыкнул:

– Барахло! Слышали, как он о нашей аппаратуре?

– Кстати, – хладнокровно сказал Рузаев, подбирая и надевая берет, – в этом рюкзаке вся наша оптика.

– Правда? – удивился Гаспарян, продолжая сидеть. – То-то я чувствую своим сидалищем что-то твердое...

Был он человеком, склонным к сдержанной насмешливости, и привыкнуть к его манере поведения удавалось не всем.

– А чуете, как здесь тихо? – сказал третий участник экспертной группы, высокий жилистый Иван Костров. – Благодать-то какая, эксперты! Соскучился я по лесной тишине.

– Да и я тоже, – признался Гаспарян. – Давненько нас не посылали в поиск. Только птиц здесь почему-то не слышно. Нас испугались, что ли?

Костров окинул взглядом груды снаряжения.

– С чего начнем? Может, сразу пойдем к месту происшествия?

Гаспарян в раздумье покачал головой.

– Сначала поставим палатку, наведем порядок.

– У меня идея. – Рузаев посмотрел на низкое солнце. – Выберем одну из хат, и дело с концом.

– Ну уж нет, палатка лучше, – возразил Гаспарян. – Лично я не люблю спать с клопами и тараканами.

– Какие там клопы-тараканы! – махнул рукой Костров. – В домах уже четыре года никто не живет, насекомые давно сбежали. А вот сырости там хватает.

Через час они поставили две палатки: одну, четырехместную, для себя, другую для груза, который состоял из хрупкой аппаратуры и продовольствия.

– Теперь так. – Гаспарян поправил свою модную и строгую джинсовую двойку: сизую куртку с эмблемой «Вязники», расшитую бахромой и серебряной нитью, и такие же брюки. – Мы с Иваном пройдемся по лесу, а ты подежуришь в лагере, – обратился он к Рузаеву. – Все равно будешь битый час тупо смотреть в стенку палатки и вспоминать, зачем нас сюда послали.

Возражений не последовало. На монголоидном лице Миши Рузаева не дрогнула ни одна черточка. Характер у него был невероятно сдержанный, ровный и спокойный. К жутким выпа-

дам Гаспаряна, которых поначалу пугались все в отделе, пока не разобрались, что за этим кроется избыток юмора, Рузаев относился так же хладнокровно, как философ к зубной боли.

Оставив Михаила хозяйничать в лагере, Костров и Гаспарян пересекли полянку, окруженную смешанным лесом, прошли мимо выросших в землю домов Скрабовки и оказались на заброшенной проселочной дороге, украшенной коровьими следами и узорчатыми полосами от велосипедных шин.

– Метров двести налево, – сказал Гаспарян. – И в лес?

– Вроде бы так, – согласился Костров, вспоминая, с чего все началось.

Два дня назад в Центр по изучению быстропеременных явлений при АН России пришла телеграмма из Брянска, в которой сообщалось, что над лесом возле деревни Скрабовка Жуковского района потерпел аварию вертолет энергохозяйства. Причины аварии расследовались линейным отделением милиции и были отнесены к компетенции научных органов. Что это были за причины, Костров толком не знал, но, будучи экспертом Центра, привык к неожиданным командировкам, зачастую не приносящим научных результатов.

– Черт! – сказал Гаспарян, сдирая с лица паутину. – Это уже четвертая.

Костров тоже дважды задел головой паутину, висящую между деревьями и кустами, но, как заядлый грибник, давно привыкший к лесному неуюту, не обращал на это внимания.

Сегодня на лесной поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра, –

торжественно продекламировал он стихи Бунина и добавил с удовлетворением: – А грибы тут есть. Я уже два подосиновика нашел. Гарантирую завтра суп с грибами.

Лавируя между стволами редких осин и кустами акаций, они подобрались к краю болота, заросшего ивняком, осотом, ракитником и рыжим мхом. Болото пересекала цепочка ажурных мачт линии электропередачи, исчезающая в просеке недалеко от того места, где вышли эксперты.

Гаспарян ступил на пружинистый мох, остановился, предупреждаясь поднял руку. Костров сразу понял, что привлекло внимание начальника группы.

Рядом со старой сосной высился могучий полутораметровый муравейник. Однако он был безжизнен и оплетен паутиной до самого верха. На вершине муравейника лежала кверху лапами мертвая птица с серо-желтым оперением.

– Сорокопут? – неуверенно сказал Костров.

Гаспарян осторожно приблизился к муравейнику, осмотрел его, потрогал птицу и пробормотал:

– Как тебе это нравится?

Костров пожал плечами и пошел вперед.

Ближайшие кусты перед ним были почти сплошь оплетены паутиной, да в траве кое-где виднелись серебристые паутинные вуали, похожие на пятна изморози. Лес стоял мрачный, молчаливый, будто притихший перед грозой, и в его глубине кое-где виднелись на ветвях все те же паутины. Костров шагнул было к кустам, но Гаспарян поймал его за рукав.

– Не спеши, дорогой, к славе, она сама тебя найдет.

– Я только посмотрю, интересно же...

– Не спорю, но сегодня ничего смотреть не будем. Заметил, какая тут прорва паутин?

– Трудно не заметить, – пожал плечами Костров. – Михаила бы сюда, это больше по его части. Давай хотя бы поищем разбитый вертолет, из-за которого начался сыр-бор. Он где-то здесь.

Гаспарян посмотрел на небо – солнце вот-вот должно было зайти, но перечить не стал, сказал только:

- Вертолет не причина, а следствие. Неужели не догадался, из-за чего нас сюда прислали?
- Ты же знаешь, что меня вытащили из отпуска, и я в институт не заходил, прямо из дома – на вокзал. Паутины?
- Они самые.
- Не вижу ничего загадочного.

Краем болота они вышли к просеке и молча остановились, разглядывая открывшуюся картину.

Просека была опутана паутиной так, что совершенно скрывалась в белесом «тумане», сквозь который проступали смутные контуры кустов, пней и опор. Некоторые узорчатые полотна пересекали просеку от одной стены деревьев до другой и даже взбирались на опоры ЛЭП. Дальний конец просеки скрывался в сплошном белом мерцании, и смотреть туда было жутко и неприятно.

Гаспарян передернул плечами и стряхнул с куртки остатки паутины.

– Понял теперь? На районной подстанции диспетчер обнаружил утечку энергии, сначала небольшую, потом она возросла до... В общем, напряжение упало. Послали вдоль линии бригаду на вертолете. Дальше ты знаешь.

- Понятно. Значит, утечка была в этом районе?
- Именно. Электрики в паутинник сунуться побрезговали, посбивали кое-где паутину с проводов, а улета, напоролась на дерево.

– Живы?

– В больнице. К ним полетел Ивашура и кто-то из начальства – узнать подробности. Милиция в общем-то разобралась в аварии, ну а нам придется разбираться во всем остальном. Кстати, я пауков с детства не люблю.

– Странно...

– Что не люблю?

– Нет, что именно нашу группу послали сюда. Мы же атмосферники, а не биологи. Разве что Михаил когда-то, в дремучем детстве, был не то зоологом, не то энтомологом.

– Он как-то иначе называл свою бывшую профессию... Но неважно. А послали нас сюда потому, что, во-первых, мы специалисты широкого профиля – я имею в виду группу, – а во-вторых, в Центре толком не знали, с чем нам придется столкнуться. О паутинах, например, я узнал только от электриков. В крайнем случае привлечем к работе узких специалистов.

Обратно шли молча, внимательно высматривая просветы между деревьями, чтобы не влезать в паутины, частота которых явственно указывала на биологическую аномалию. Откуда-то пришло ощущение, будто из лесной чащи за ними наблюдает затаившийся хищник.

– Интересно, – сказал Костров, невольно понижая голос, – волки здесь водятся или всех переохотили?

– Гнать бы их надо! – ответил задумавшийся о своем Гаспарян.

– Волков?!

– Пауков. Вызвать бригаду санэпидемстанции и...

В тот же момент сзади, у просеки, раздался гортанный, с металлическими модуляциями, страшный и странный крик. Длился он несколько секунд, взорвав тишину на осколки эха, и были в этом леденящем душу крике смертельная тоска, злоба и ужас!

Костров споткнулся от неожиданности и замер, прислушиваясь.

– Кто это?! – пробормотал Гаспарян, меняясь в лице.

– Упырь, – хрипло ответил Костров. – Ну-ка погоди...

Где-то недалеко послышался еще один крик, человеческий:

– ...а-ан!.. ре-е-ен!..

– Наверное, Миша зовет!

Не сговариваясь, оба бросились сквозь чашу к дороге, но вскоре выяснилось, что тревожились они напрасно. Рузаев звал их в ответ на чужой вопль. Толком не поняв, кто кричит, он вскочил и опрокинул в костер котелок с чаем.

– Один – ноль в пользу крикуна, – прокомментировал Гаспарян, переводя дух. – Мне казалось, тебя ничем не проймешь.

– Мне тоже так казалось, – проговорил Рузаев. Он был эвенком, но по-русски говорил чисто, разве что чуть замедленно. Однако сейчас в его речи явственно звучал акцент.

– Кто кричал?

– Леший, – предложил вторую свою гипотезу Костров и пошел умываться.

Чай в этот вечер они пили поздно.

Глава 4

Под утро Кострову приснилось, будто он взобрался на высокую скалу, ощущая восторг от распахнувшейся дали, и шагнул с нее прямо в воздух. С минуту он парил на той же высоте, вольный и легкий, как луч солнца. Под ним в синей дымке расстился лес, теряющийся за горизонтом, извилистой фиолетовой лентой текла река, выпирали из леса рыцарские шлемы сопки... Деталей он не различал, был занят собой, общим состоянием сказочной легкости и управляемости тела. С легкой грустью Костров подумал, что видит Красноярский край, вспомнил отца, умершего семь лет назад. «Надо навестить родственников, скажут – забыл... Вот прямо сейчас и полечу, чего откладывать?» И вдруг с ужасающей отчетливостью внизу показалась огромная паутина, накрывшая лес на несколько километров. «Откуда здесь паутина?» – успел подумать он и сразу же начал падать, быстро и неудержимо. Со страшной скоростью засвистел мимо воздух, мир сжался до размеров глубокого колодца, в который он влетел стремительным болидом. А когда удар о землю казался неминуемым, тяжелое сердце в диком ускорении оторвалось, пробило грудную клетку и взорвалось впереди огненным фонтаном...

Осторожно пощупав левую сторону груди, Костров выглянул из палатки. В трех метрах от нее горел костер, у которого возился Рузаев. Пахло дымом и ухой.

– Незаменимый ты человек, Рузаев! – с чувством сказал Костров. Но тут ему на голую спину стекла с полога палатки холодная струйка воды. Он взвыл и разбудил Гаспаряна.

Через час, позавтракав и поразмышляв о причинах вечернего крика, все трое шагали по мокрой, седой от росы траве к дороге, увешанные своей драгоценной, осточертевшей за долгие месяцы экспедиций аппаратурой. Недалеко от места, где вчера экспертов застал крик, они совершенно случайно обнаружили останки разбитого вертолета.

Здесь тоже было полно паутины: на траве, на кустах орешника, на ветвях берез и нежно-корых осин. Стальной винт вертолета успел покрыться густой ржавчиной, хотя авария произошла всего два дня назад, и все кругом было буквально нашпиговано паутинами разных сортов и рисунков.

– Откуда их здесь столько, братцы? – удивился Рузаев, отбросив на мгновение свою природную невозмутимость.

– Оттуда, – пояснил Гаспарян, сдирая с лица удивительно прочные нити, и прошипел: – Гадость! Ты, кажется, зоолог по образованию? Классифицируй, тебе и карты в руки. Кстати, обратите внимание: в лесу полностью отсутствуют насекомые.

– Что же тут удивительного? – буркнул Костров. – Начало осени. Но вот птиц действительно не слышно.

Ступая по жухлой осенней траве, он приблизился к вертолету.

Стабилизирующий винт машины валялся в стороне, лонжероны заднего стабилизатора были погнуты, лобовое стекло отсутствовало, кабина была смята.

– Ударились они прилично! Слышишь, металловед? – обратился Костров к Гаспаряну. – Ржавчина уже по твоей части. Кабина тоже насквозь проржавела, даром что дюралевая.

– Ладно, ладно, – произнес Сурен. – Металловед я бывший, но распределять обязательно положено мне. Разбирайте аппаратуру. От вертолета наметим границы спокойной зоны, а дальше к просеке надо держать ухо востро, без датчиков не вздумайте шагу ступить.

– Не чересчур? – спросил Рузаев, останавливаясь рядом с Костровым. – Никогда не видел такой паутины! Смотри, Иван, белая как снег!

Он дотронулся до края паутины и резко отдернул руку.

– Ах ты! Жжется! – пояснил он в ответ на удивленные взгляды товарищей.

Гаспарян подошел ближе, сунул палец в паутину и тут же отдернул. Потом достал электрометр и приблизил чувствительный элемент прибора к паутине.

– Электрический заряд, – сообщил он через минуту, – мне добавить нечего. Миша, обычная паутина проводит электричество? Или она диэлектрик?

– Не знаю, – подумав, сказал Рузаев. – Скорее проводник.

– Специалист, – в тон ему ответил Гаспарян. – Вот что, дорогие мои, давайте уясним себе правило: с этой минуты ничего не трогать руками. У нас есть щупы, зонды, пинцеты, перчатки... Договорились?

– Как прикажете. – Рузаев вдруг шарахнулся от вертолета. Сверху, с козырька над дверцей, метнулось к нему круглое черное тело диаметром около пятнадцати сантиметров, пролетело над головой, сочно шлепнулось в центр паутины и мгновенно исчезло, оставив после себя слабый запах эфира.

– Вот и паучок пожаловал, – сказал Сурен со смешком. – Симпатичный такой!.. Птиц, значит, они уж сожрали, теперь очередь за нами.

– Я, конечно, не разглядел как следует, – проговорил Рузаев, придя в себя, – но, скорее всего, это сольпуга, а не паук.

– Соль... что? – спросил Костров.

– Сольпуга – фаланга из семейства паукообразных. Сольпуги неядовиты, так что бояться их нам вроде бы нечего.

– А паутину они, эти сольпуги, плетут? – осведомился Гаспарян.

– Н-нет... кажется, нет.

– Вот видишь! – Гаспарян с треском захлопнул футляр электрометра. – Эксперты! Специалисты, так сказать! Помощники!.. Надеюсь, ты прав и пауки неядовиты. Как вы думаете, сюрпризы еще будут?

Рузаев с иронией развел руками.

– Гарантировать не могу, но кажется мне, что все еще впереди.

– Михаил-пророк! – фыркнул Костров.

Гаспарян посмотрел на часы.

– Ну-с, джентльмены, за работу.

Солнце поднялось уже высоко, исчезла с кустов и травы роса, день обещал быть по-летнему жарким.

Вскоре эксперты закончили измерение локальной полевой обстановки в радиусе километра вокруг просеки с ЛЭП, произвели соответствующие записи в журнале и полюбовались на свои вытянутые физиономии. Радиационный, а также магнитный, электрический и прочие фоны оказались в норме. Приборы не фиксировали аномалий электромагнитного характера вроде тех, что были отмечены возле разбитого вертолета и у линии электропередачи. В последнем случае это было нормальным явлением: ЛЭП работала и гнала свои двести пятьдесят тысяч вольт потребителям в городах и поселках района.

Правда, одна аномалия все же была – биологическая. Концентрация паутины в одном месте на трассе ЛЭП – в районе просеки – была очевидной. Она не отражалась электронными символами на экранчиках приборов и обладала только одним достоинством – наглядностью.

– Сядем покурим, – предложил Рузаев, доставая сигареты.

Костров отказался, Гаспарян машинально взял одну и тут же вернул: он не курил, как и Иван.

В целях безопасности они вышли из «паутинной зоны» и расположились отдохнуть на берегу Пожны. Здесь она была лишь ручьем шириной метра полтора.

– Что же мы имеем? – пробормотал Гаспарян. – А имеем мы без малого нуль информации. Странное нашествие пауков – раз, утечку электроэнергии на линии – два, самих пауков, не похожих на пауков, – три, крик ночью – четыре. Все?

– Ржавый вертолет – пять, – подсказал Костров. – Отсутствие живности в лесу – шесть, да еще сверхпрочная паутина-диэлектрик! Больно ты пессимистичен, начальник. У нас материала уже на приличную сенсацию, а ты – «нуль информации»!

– Нужна аппаратура физико-химического анализа, – сказал Рузаев, затягиваясь. – Иван прав, проблем достаточно. Но тем интереснее с ними работать. И неплохо бы достать какие-нибудь комбинезоны или спецовки, что ли, а то лазить по лесу в наших костюмах несподручно. Хорошо хоть сапоги догадались взять. Я их достал из мешка, можете надевать.

– Вечером схожу в райцентр и позвоню Ивашуре, – пообещал Гаспарян. – Спецовки он привезет. Что касается моего пессимизма, то обосновать его я не могу. Тревожно что-то на душе, друзья мои. Не нравится мне паучье нашествие.

– Обычная вспышка биологической активности, – предложил идею Костров. – Вы не хуже меня знаете о таких вспышках среди леммингов, крыс, саранчи. Вспомните «красные» приливы в Атлантике, когда по каким-то причинам начали бурно размножаться красные водоросли. Вот и здесь нечто подобное: нарушилось где-то экологическое равновесие, и среди пауков вспыхнула «эпидемия» размножения.

– Не годится даже в качестве прикидочной гипотезы, – покачал головой Рузаев. – Слишком много несоответствий. Во-первых, трудно представить, из-за какого экологического фактора начали плодиться пауки. Во-вторых, судя по виду, это не пауки вовсе, а сольпуги, хотя утверждать не берусь – разглядеть не было времени. Да и родина сольпуг – юг Туркмении, так что непонятно, откуда они взялись в умеренной зоне России. И в-третьих, обычная паутина непрочная, а эта словно соткана из шелковых ниток! К тому же накапливает электрические заряды!

– Чувствуется профессионал! – сказал Гаспарян. – Да, Иван? Зоолог я хреновый, но меня Михаил убедил. Что будем делать дальше, джентльмены? Ваши предложения?

– Давайте попробуем пробиться к просеке со стороны леса, – предложил Костров, спокойно отнесшийся к разгрому своей идеи.

Он был самым высоким в их компании и самым молодым. Лицо открытое, слегка скуластое, курносое, глаза карие. Друзья любили его за добрый нрав и бесстрашие, когда дело касалось критических ситуаций в экспедициях Центра: надежен, смел и удачлив. И не было случая, чтобы он дрогнул перед опасностью, спасовал или струсил. Фамилию свою Костров целиком и полностью оправдывал: он был виден издалека, и не столько из-за роста, сколько из-за огненно-рыжей шевелюры.

– Зачем тебе просека? – спросил Гаспарян.

– Может быть, найдем причину скопления паутины именно в том месте. Судя по всему, там паучий центр.

– Резонно, – заметил Рузаев. – Только поход к просеке я бы отложил: нужна, как я уже говорил, спецодежда, да и рация для связи. А вот экземпляр паука нам бы не помешал. Пожалуй, я займусь ловлей. Если ты не возражаешь, – добавил он дипломатично.

Гаспарян кивнул.

– Согласен. В крайнем случае сфотографируйся с пауками вместе на память, а мы с Иваном нанесем на карту особо запаутиненные места и начнем исследовать свойства паутин. Кстати, кто у нас сегодня дежурный по кухне? – Он посмотрел на Кострова.

– Михаил начал – ему и кончать, – быстро среагировал тот.

Гаспарян хмыкнул, посмотрел на каменное лицо Рузаева.

– Логично мыслит, да, Михаил?

– Подежурю, – коротко ответил Рузаев.

К вечеру они закончили намеченные работы только наполовину: Рузаев истратил цветные пленки и километр кинопленки, снимая паутины, пауков и лес, но поймать паука не смог. Костров и Гаспарян определили координаты паутинных скоплений, однако на изучение пау-

тин не хватило времени. Начальник группы в половине седьмого ушел в райцентр, надеясь засветло вернуться.

Костров, не обращая внимания на мрачные пророчества Рузаева относительно его здоровья, с наслаждением искупался в Пожне, найдя неподалеку от лагеря бочаг глубиной около двух метров. Вода была холодная и чистая до полной прозрачности.

Во время ужина у Кострова разыгралось воображение, и он выдал две гипотезы, которые Рузаев уничтожил неторопливо, методично и основательно, словно «сыпал» завравшегося диссертанта.

– Ну а у тебя самого есть собственная гипотеза? – спросил задетый за живое Костров.

– Есть, а как же, – невозмутимо проговорил Рузаев. – Я лично считаю, что *Carthaginem esse delendam*⁴.

Ошеломленный познаниями товарища в латинском языке, Костров повертел головой и не нашелся, что ответить.

Так как на следующий день дежурить по биваку была его очередь, а от судьбы, как известно, не уйдешь, Иван решил заранее сходить к реке и набрать два ведра воды.

Закат пламенел на полнеба, предвещая ветер, глухо шумел лес, наполненный тысячерукими тенями, покинутый зверем, птицей и насекомыми. Это отсутствие живого мира действовало на нервы больше, чем паутины в лесу. Дома на краю деревни казались угрюмыми склепами, стерегущими сон покойников, и Костров, далеко не робкий по натуре, под влиянием таинственной и мрачной атмосферы засвистел.

Дойдя до речки и зачерпнув воды, он не сразу понял, что на его свист откликается довольно необычное эхо. Он остановился, перестал свистеть и прислушался. Это было не эхо. Из леса, слева от тропинки, доносился тихий прерывистый свист, даже не свист – писк. Он смолк почти сразу, как только Костров прекратил свистеть, и дважды возобновлялся в ответ на переливчатые рулады полонеза Огинского. Кто-то помогал Кострову солировать.

Продолжая насвистывать, Иван поставил ведра с водой, нашел подходящий сук и метнул его в чашу, откуда доносился писк. И тут же из леса раздался вопль, похожий на тот, что поразил их в первый вечер. Он прозвучал резко и сильно, полный тоски и злобы, и Костров невольно отскочил на середину тропинки, прямо на ведра.

С минуту он прислушивался к шорохам леса, готовый бежать или драться, потом подобрал ведра и снова пошел за водой.

– Кто-то кричал? – спросил его сонный Рузаев, когда он принес воду и молча залез в спальный мешок.

– Я, – ответил Костров.

Гаспарян пришел поздно ночью, усталый, злой и возбужденный.

Костров, спавший вполсна, повернул голову в сторону негромких проклятий, доносившихся сквозь храп Рузаева, и спросил:

– Ты, Сурен?

– Спи, спи, дорогой, – отозвался Гаспарян. – Хорошо хоть в палатке пауков нет. Вот ведь дряни наплодил господь бог при сотворении мира! Кого он хотел этим удивить – ума не приложу.

– Что случилось?

– Да ничего особенного. Устал как собака, километров двадцать отмахал туда и обратно да еще драпал километра три...

– От пауков? – засмеялся Костров.

⁴ «Карфаген должен быть разрушен» (*лат.*) – слова римского полководца и государственного деятеля Катона Старшего, которыми он обычно заканчивал свои речи в Сенате.

– Кто его знает. Где старый брод через Пожну, помнишь? Проезжали, водитель показывал... Нет? Впрочем, все равно. Темно, понимаешь, кругом, жутко – птицы молчат... А возле дороги что-то светится в кустах, как два глаза... И такая в них тоска – не передашь!.. Кинул я туда камешек...

– А оттуда как заорет! – досказал Костров.

– Точно! Как догадался? Слышал?

– Слышать не слышал, но со мной тоже произошел случай.

Гаспарян прыснул.

– Ну и мчался же я! Наверняка установил рекорд в беге с препятствиями! Ты тоже?

– Нет, я прыгнул в длину метров семь без разбега, прямо в ведро с водой.

Они засмеялись вдвоем, всхлипывая, давясь, и хохотали до тех пор, пока не проснулся Рузаев.

– Вы что, с ума посходили? Два часа ночи, а они ржут! Анекдоты травите, что ли?

– Извини, Михаил, – сказал изнемогший Гаспарян, вытирая слезы. – Разрядка за день.

– Звонил Ивашуре?

– Звонил. Шеф передал всем привет. Завтра вечером или послезавтра утром обещал привезти комбинезоны или штормовки. Так что надо успеть составить хотя бы общую картину.

– Да, Игорь Васильевич не любит туманных формулировок.

Костров выполз из спального мешка и, поеживаясь от холода, выбрался из палатки. Спустя минуту раздался его голос:

– Братцы, смотрите-ка!

– Что там еще? – всполошился Гаспарян, высовывая голову из-под полога, и тихо выругался по-армянски.

Над лесом, в стороне злополучной просеки, заросшей паутиной, вставало мягкое, переливчатое, серебристо-пепельное сияние.

Глава 5

Завтрак прошел в молчании. Собрались также молча, только Гаспарян, выглядевший, несмотря на плохо проведенную ночь, как всегда, аккуратным, подтянутым и свежим, сказал Кострову:

– Иван, захвати-ка на всякий случай ружье.

Кострову не хотелось тащить на себе лишние килограммы железа, но он вспомнил свое вчерашнее приключение и без слов нацепил на шею ремень ивашуринской бескурковки. Рузаев лишь головой покрутил, протирая объектив своего знаменитого «Киева-10».

В лес вошли по тропинке, протоптанной ими за два дня. Не успели миновать заросли жимолости, как шедший впереди Гаспарян вдруг остановился, словно наткнулся на змею. Костров обошел его сзади и увидел в кустах, невысоко над землей, кружевную снежно-белую паутину.

– Так, – спокойно сказал Рузаев. – Пауки расширяют свои владения. Еще вчера их здесь не было.

Гаспарян молча раскрыл футляр электрометра.

– Напряженность поля – четыреста вольт на сантиметр.

Костров присвистнул. Потоптавшись у паутины, он проследил за длинной серебристой нитью, цеплявшейся за куст рябины, и увидел вторую паутину. За ней располагались сразу две, связанные между собой ажурным мостиком, а дальше, метров через десять, шло уже белое паутинное поле, опутавшее стволы сосен и берез, траву и кустарники.

Гаспарян отломал сухой сук и ударил по паутине. С отчетливым стеклянным хрустом паутина развалилась на две части и потухла – стала серой, словно ее присыпали пылью.

Костров заметил какое-то движение в траве под кустом, без долгих раздумий рванул с плеча ружье, поймал на мушку черное пятно, убегающее в траву, и нажал на спуск.

Бах!

Выстрел разнес тишину леса в клочья отголосков.

– Сдурел! – шарахнулся в сторону Гаспарян.

– Паук... – пробормотал Костров и повел стволом.

Рузаев с любопытством оглядел его, полез в кусты и, поворочавшись там минуты три, глухо спросил:

– Чем было заряжено ружье?

Костров покосился на Гаспаряна.

– Дробью, – ответил тот. – А что?

– Это был паук. К сожалению, Иван отменный стрелок, и от паука остались только рожки да ножки.

Рузаев вылез из кустов и смахнул с колен приставшие комки мха и сосновые иголки.

– Надо было целиться в ногу, – сказал он рассудительно.

Все трое переглянулись и засмеялись. Потом Гаспарян взял у Кострова ружье.

– За стрельбу тебе еще придется отвечать, стрелок, так что не очень радуйся. Тут тебе не тир. А эхо слышал? Дразнит нас какая-то зараза...

– С чего вы взяли? – осведомился Рузаев.

Костров посмотрел на Сурена и рассказал Михаилу случай с «вечерним концертом».

– Значит, кричат, по-вашему, пауки?

– Но ведь больше некому, сам видишь – ни птиц, ни зверей.

– Ну, отсутствие зверей еще надо доказать, а вот то, что паукам нечем издавать звуки, это я знаю точно.

– Сам же говорил, это не пауки, а сольпуги. Может, и не сольпуги вовсе, а какой-нибудь новый вид?

Рузаев пожал плечами.

– Не знаю. Вообще-то на Земле известно около тридцати пяти тысяч паукообразных, открыть новый вид сложно. Но если это действительно новый вид – так и быть, приоритет за тобой.

– Дадим ему название: паук «Иванус Костровус», – предложил Гаспарян. – Звучит, не правда ли, Михаил?

Рузаев, усмехнувшись, кивнул.

– Лично у меня есть своя гипотеза. – Он прошагал к ближайшим паутинам и снял с шеи ремень фотоаппарата. – Пауки-мутанты.

– О! – Гаспарян оживился. – В этом что-то есть.

– И все же здесь нужен специалист-арахнолог. – Рузаев сфотографировал потухшую паутину и перевел пленку. – Я всего лишь зоогеограф по образованию; моя специальность, причем бывшая, заметьте, – изучение факторов, определяющих распределение животных, в частности пресмыкающихся. О пауках я знаю мало.

– Где я тебе возьму специалистов? – буркнул Гаспарян. – Я говорил Ивашуре, он обещал что-нибудь придумать, но в один день специалиста не найти, да и с оформлением командировок под конец месяца – проблема. Так что будем обходиться пока своими силами. Факты, давайте факты, ничего, кроме фактов, выводы сделают другие. Миша, ты все же попробуй поймать паука, только без этого... – он пошевелил пальцем, – без стрельбы. А мы с Иваном займемся обстановкой. Будем делать замеры трижды в день и один раз ночью. Кто знает, как нам это может пригодиться.

После обеда Костров взял метровый щуп, представляющий собой гибкий металлический стержень с керамической рукояткой, закинул за плечи рюкзак с ЗЗУ – звукозаписывающим устройством – и направился к болоту.

– Осторожней там, – по привычке пробурчал Гаспарян ему вслед. – Не подходи к просеке близко, возвращайся пораньше. Оделся хорошо?

Костров похлопал щупом по своим сапогам: экипирован он был по всем законам леса.

За обедом Рузаев поделился своими наблюдениями: он дважды видел пауков, но поймать так и не сумел – слишком шустрыми они были, зато хорошо их рассмотрел.

– Это не сольпуги, – заявил он, – но и пауков таких я не знаю. Может, действительно новый, неизвестный науке вид? Во-первых, размер тела – около двадцати сантиметров! Людоеды, а не пауки! Во-вторых, окраска фиолетовая, с металлическим отливом. В-третьих, хилицеры у них, то есть передние ноги для защиты и нападения, совершенно не развиты! В-четвертых, педипальцы – многощупальца, наоборот, увеличены. В-пятых, у них всего две пары глаз, но зато размером чуть ли не с половину головы! Если это не новый вид, то уж точно мутанты. Единственное, что смущает, так это причина мутагенеза. Самый мощный из известных сегодня источников мутации – радиация для пауков не страшна...

Пробираясь между деревьями, Костров продолжал размышлять над словами Михаила, и предположения товарища будили в нем такие ассоциации, от которых на душе становилось муторно.

Он вышел на край болота чуть подальше того места, где они с Суреном впервые увидели скопление пауков. Осока и камыши пересохшего болота были ржавого цвета, белые островки паутин хорошо выделялись на этом фоне. Несмотря на расширение своих владений в лесу, пауки почему-то неохотно ткали сети на болоте: паутинных полей здесь было значительно меньше.

Шурша ломкой травой и опавшими листьями, Костров начал пробираться к просеке с линией электропередачи, стараясь идти по краю болота и не заходить в лес. Даже со стороны

было заметно дрожащее белое мерцание в его глубине: пауки заткали все пространство между деревьями, и чем ближе Костров подходил к просеке, тем гуще становилось паутинное плетение. Наконец идти дальше, не затрагивая паутин, стало невозможно. Костров потыкал щупом в ближайшее паутинное облако, скрывавшее под собой куст чернотала, подивился упругости паутины и углубился в болото, обходя редкие островки паутин и колдобины с грязью.

Через полчаса он выбрался к опоре ЛЭП и вытер пот со лба: ветер стих и было довольно жарко. Вокруг царила странная тишина, будто все живое в радиусе нескольких километров от паучьего логова бежало, спасаясь от непонятного соседства, затаилось, спряталось. Не было видно даже длинноногих комаров – карамор, живущих на болотах до поздней осени, что Костров отметил еще раньше. Он впервые оценил этот факт как сигнал тревоги. Заныло под ложечкой, стало зябко и неудобно, пришло ощущение чьего-то незримого присутствия...

Костров передернул плечами, снял рюкзак и достал продолговатый футляр ЗЗУ. Вскрыв панель, вставил в отверстия по бокам решетчатые диски антенн, включил питание, подумал и поставил переключатель режимов в положение «инфразвук». Вложив прибор в рюкзак, он снова закинул его за плечи и побрел в сторону просеки, придерживаясь линии электропередачи.

Через полкилометра линия привела его к просеке, и идти дальше Костров не решился. Построения паутин здесь приобретали странные, вполне осмысленные формы: арки, столбы, шпильки, башни и даже целые крепостные стены, так что за ними не было видно ни леса, ни опор, ни самой просеки. Зато оттуда ощущался ток чистого и свежего теплого воздуха, щедро сдобренного запахом эфира.

Тишина угнетала. Костров поймал себя на том, что норовит оглянуться через плечо, пытаясь хоть краем глаза поймать какое-то движение: ему казалось, что паутины по сторонам едва заметно колеблются, но, как только он бросал в том направлении взгляд, это движение замирало, пряталось куда-то вглубь, чтобы возникнуть уже в другом месте. Лес казался насыщенным странной жизнью и в то же время был неподвижен и мертв.

Рассердившись, Костров ткнул щупом в ближайшую паутинную башню, серую у подножия и ослепительно белую вверх, на высоте шести-семи метров. Щуп с трудом преодолел ажурную преграду, и в тот же миг Костров почувствовал сильный удар по руке. Башня сердито зашипела, засияла вся сверху донизу. Костров выпустил щуп и отскочил назад.

Щуп остался висеть в воздухе, потом вдруг раскалился до желтого свечения и... осыпался каплями расплавленного металла. Запахло жженой пробкой и горелой виниловой изоляцией.

– Ч-черт бы вас побрал! – в сердцах сказал Костров. – Хотя бы предупреждали!

Кому адресовались эти слова, он сам не знал.

Он постоял некоторое время, потирая ушибленные пальцы, и вдруг подумал о спичках, представил, как горит сухая трава на болоте, полыхают деревья и жухнет в огне паутина... Додумать до конца Костров не успел: ему внезапно стало плохо. Голова закружилась, заломило виски, в ушах поплыл тихий, но все усиливающийся звон, ноги сделались ватными, подкосились, и он, теряя сознание, упал лицом в траву...

Очнувшись он от страшных размеренных звуков: «Кх-кха-а-а... Кх-кхха-а-а... Кх-кхха-а-а...» Словно где-то рядом дышал громадный зверь или шумели кузнечные мехи.

Костров открыл глаза, приподнял тяжелую голову и увидел, что лежит на голой скале, белой, как отполированная ветром и дождем кость. Вокруг, насколько хватало глаз, стояли необычные желтые колонны, пушистые, словно поросшие зеленой шерстью. Вверху они расщеплялись на несколько тонких хлыстов с кисточками на концах, некоторые заканчивались свернутыми в спираль пучками зеленых листьев. Колонны соединялись между собой белыми ажурными мостиками, в которых Костров узнал паутины. Он резко сел и почувствовал, что вокруг стоит небывалая жара, что воздух здесь душный, густой, как кисель, и полон незнакомых ароматов...

Обливаясь потом, Костров соскользнул со скалы, потрогал ее гладкий горячий бок, обошел кругом. На высоте его роста в скале обнаружились два отверстия, напоминающие пустые глазницы черепа, а чуть ниже зияла щель, в которой смутно угадывались ряды треугольных пластин.

Костров отошел от утонувшей в земле скалы, потом, движимый неосознанной тревогой, оглянулся. Скала.

Холодея, он понял, что эта скала – не что иное, как череп какого-то исполинского зверя! Сомнений быть не могло. Костров хорошо помнил изображения ящеров палеозоя и мезозоя, в его домашней библиотеке было несколько книг из серии «Возникновение жизни на Земле».

Попытившись, он наткнулся спиной на зеленую колонну, стрелой вонзавшуюся в густосинее, без единого облачка небо, и отскочил в сторону. Это была, конечно, не колонна, это было дерево... «Псилофит, – всплыло в памяти название одного из самых древних растений, – или... сигиллярия?»

Озираясь, он пошел между «псилофитами», чувствуя, как рубашка липнет к телу.

Прекратившиеся было звуки снова возобновились. Иван направился в ту сторону, ошеломленный своим пробуждением в неведомой местности. Вопросов – почему, где и как? – он себе не задавал: ответов все равно искать было не у кого.

Внезапно он вышел на край громадной воронки, скрытой под вогнутой белой пленкой, в которой не сразу угадал... колоссальную паутину! Звуки шли оттуда, но разглядеть в глубине воронки что-либо, кроме тусклого оранжево-желтого мерцания, было невозможно. С каждым «кх-кхха-а-а» из воронки волнами наплывали запахи, в том числе и запах эфира, от которого кружилась голова и слегка подташнивало. Жара вблизи нее стояла совершенно невыносимая.

Костров отступил, шатаясь, прошел несколько шагов и наткнулся на бугристый черный «ручей», бесшумно и неудержимо скатывающийся в воронку. Это были пауки!

Костров зачарованно смотрел на «ручей», пока тошнота не подступила к горлу с новой силой. Тогда он попытлся за ствол «псилофита», нечаянно задел паутинный мостик, что-то сверкнуло в воздухе, и наступила темнота.

Сознание вернулось не сразу, а очнувшись от непонятного забытья, он увидел перед глазами знакомые жесткие стебли осота, коричневую губку мха и за кочкой – черное паучье тело с четырьмя громадными прозрачно-фиолетовыми глазами. Паук поводил в воздухе двумя передними лапами, видно, размышляя, что ему делать с непрошеным гостем.

Костров отмахнулся, встал и побрел прочь от просеки – бежать не было сил. Лишь свалившись в скрытую под мхом яму, к счастью, сухую, он опомнился и перевел дыхание. Ноги дрожали, в голове стучало, словно он отравился газом. Кое-как уняв дрожь в ногах, Костров осмотрелся. Никто его не преследовал. Кругом расстился знакомый ландшафт, жара исчезла, как и страшная обстановка с «псилофитами» и черепом ископаемого динозавра. Но рубашка была мокрой и неприятно липла к телу.

– Бред! – вслух сказал он. Выкарабкавшись из ямы на невысокий бугорок, он погрозил кулаком в пространство и пожалел, что не захватил с собой ружье. В то же мгновение новая волна слабости чуть не свалила его с ног. Задохнувшись от боли в голове, Костров, спотыкаясь, побрел в глубь болота и остановился, когда последние паутинные пятна скрылись из глаз...

В лагерь он вернулся только через два часа, к заходу солнца, обойдя местность с пауками пятикилометровым крюком.

Выслушав его сообщение, Гаспарян долго смотрел на пляшущие над костром языки пламени...

– Что ты об этом думаешь? – спросил он наконец Рузаева.

– Ничего, – ответил тот. – Когда я ловил пауков, у меня тоже несколько раз появлялась головная боль, хотя и не такая сильная, как у Ивана. Да и неземные пейзажи мне не снились, но чувствовал я себя скверно. Потом все прошло, и я забыл...

– Что ж ты молчал? Мимо таких ощущений нельзя проходить спокойно. Пауки отгоняют нас от своих владений – это очевидно. Но чем? Ты какую аппаратуру с собой брал?

– Звукозапись, – сказал Костров и стукнул себя по лбу. – Тьфу, совсем выбило из головы! Я же включил ЗЗУ на инфразвук.

Он встал, нырнул в темноту к палатке и через несколько минут вернулся с прибором.

– Удивляюсь, как я его не поломал, когда падал. Сейчас посмотрим беднягу.

Проверив настройку, он включил прибор на воспроизведение. Некоторое время из динамика доносилось только шуршание фона, потом раздался длинный вздох и долгое, постепенно затухающее, пульсирующее гудение.

– Частота? – встрепнулся Гаспарян.

– Восемь герц, – посмотрел на шкалу Костров. – Мощность – десять децибел.

Гаспарян медленно встал с пня.

– Что?! Восемь герц?!

– Фликер! – хмыкнул Рузаев. – Инфразвук с частотой семь-восемь герц – это фликер. Будь частота равной трем герцам, а мощность в полтора раза больше, ты, Иван, уже не встал бы. Три герца – это биоритм смерти.

– Значит, восемь... – глухо повторил Гаспарян. – Однако это уже не игрушки... Твои галлюцинации тоже, вероятно, следствие излучения. Вот так паучки! Придется вызвать тревожную группу Центра, пока не случилось беды.

– Подождем Ивашуру, – сказал Костров и виновато посмотрел на руководителя группы. – Он же обещал приехать завтра?

– Обещал. – Гаспарян не заметил оговорки Ивана, выражавшей недоверие к нему как к руководителю. – Давайте ложиться спать, владыки мира. Отдых наш кончается. Утром перетасим лагерь подальше от болота, я видел паутины уже в деревне. И займемся систематизацией данных...

Они полюбовались мягким голубоватым сиянием над лесом, где пауки соткали свое «государство», и улеглись спать. Спали, однако, недолго. Ночью всех разбудил сильный грохот.

Они выскочили в трусах из палатки, спросонья не зная, за что хвататься и куда бежать. Но в темноте ничего не было видно, даже сияния над лесом. Только со стороны деревни доносился удаляющийся грохот, словно по лесу неслась дьявольская кавалерия, круша деревья и сшибая недругов с седел, да мелко вздрагивала земля. Вскоре грохот утих, в последний раз громынуло, и в лес вернулась первозданная тишина, сквозь которую слышалось нарастающее журчание воды.

Они стояли и всматривались во мрак, пока не продрогли.

– Сходим? – предложил Костров, хотя желания идти вслепую, в ночном мраке, неизвестно куда у него не было. Как и у остальных.

– Утром, – принял мудрое решение Гаспарян. – Ни черта мы сейчас не увидим, даже с фонарями. Залезайте обратно, не хватало, чтобы мы схватили простуду.

Рузаев без слов залез в спальный мешок и тут же, судя по дыханию, уснул. Костров долго прислушивался к вою ветра и задремал только через час. Гаспарян уснул последним. Он еще два раза вылезал из палатки с ружьем и смотрел на притихший лес, вслушивался в ночные шорохи, сняв на всякий случай ружье с предохранителя...

Глава 6

Утром стала понятна причина ночного переполоха.

От просеки с пауками через лес, дорогу и деревню проходил громадный ров! По пути он задел две крайних избы и разметал их по бревнышкам, а дойдя до Пожны, остановился, и речка, изменив русло, теперь почти вся текла по этому рву в лес, к болоту.

Они молча стояли на метровом валу вывороченного дерна и разглядывали обмелевшую ниже по течению Пожну. По дну рва бежал уже посветлевший поток воды, направленный чьей-то волей к скоплению паутин.

– М-да, – сказал Гаспарян, теребя выбритый подбородок. Когда он умудрился побриться – никому ведомо не было. – Кто-нибудь может сказать, что это такое?

– След от сохи Никиты Кожемяки, – буркнул Рузаев. – Он со змеем ночью землю делил...

– Канал, – произнес Костров, настроенный более прозаично, со вздохом трогая щетину на щеках. – Глубина метра два, да ширина столько же... Пауки наши, оказывается, умеют строить каналы не хуже нас. Д-р-р-р – и готово! Только зачем им вода? Миша, паукам вообще вода нужна?

– В мизерных количествах. Насколько мне известно, необходимое количество жидкости пауки высасывают из своих жертв. Но чтобы целая река... Кстати, почему ты решил, что этот канал построили пауки?

– А кто же еще?

– Вот что, – сказал Гаспарян. – Давайте-ка определим точно, куда идет ров. Если вода течет к просеке, там скоро будет потоп. Тогда придется переносить лагерь еще выше по дороге.

– Переносить надо в любом случае. – Рузаев обвел взглядом лес, свежую двухметровую борозду, проделанную неизвестно кем и неизвестно зачем за одну минуту. – Вдруг паукам вздумается проложить еще один канал? Пройди он по лагерю...

– Точно, – кивнул Костров, – костей не соберем!

Гаспарян поморщился и махнул рукой.

– Я же сказал: перенесем. Пошли.

– А завтрак? – спросил Костров. – Может, лучше после завтрака?

– Успеем, перекусим консервами. Не отставайте.

Они потянулись гуськом друг за другом: впереди Гаспарян, потом Рузаев и Костров. Не успели пройти и полсотни шагов, как в лесу раздался треск и на берег канала выскочил ошале- лый пожилой дядя, одетый в заплатанные штаны времен Первой мировой войны, ветхую студенческую куртку с надписью «Алтай-88» и женскую соломенную шляпу с выцветшей розой на полях. В руках он держал просторную ивовую корзину – судя по его рыси, пустую. Заметив экспертов Центра, он круто затормозил.

– Доброе утро, – вежливо приветствовал его Гаспарян.

– Здорово! – сипло отозвался дядя, заросший мощным волосом чуть не до бровей. – Чего это вы тут?..

– Мы ученые, не пугайтесь, изучаем пауков, а вы?

– Леший, – шепнул на ухо Кострову Рузаев.

– Грибник, – догадался тот. – Я уж думал, что сюда по грибы никто не ходит. Вы, наверное, напоролесь на пауков?

– Тьфу! – сплюнул дядя, достал огромный клетчатый платок и вытер лоб и шею. – Я в этих местах, почитай, шестой десяток годков грибы собираю! Что ж это за дрянь тут деется?

– Вы же видели, пауки, – пожал плечами Рузаев. – Туда больше не ходите, опасное место. Где вы живете?

– В Жуковке, хата у меня там...

– Вернетесь, скажите соседям, чтобы сюда пока не ходили. Мол, запретная зона.

– Дак куды ж тогда за грибами?

– Лес велик, найдите еще места. А здесь... сами видите.

– Вижу. – Дядя немного успокоился, трубно высморкался и тут заметил ров. – А энто откудова?

– Оттудова, – кивнул в сторону болота Рузаев.

Дядя проследил взглядом, затем издал сиплый горловой звук и снова попер в лес, ворочаясь в зарослях, как дикий кабан.

Костров засмеялся.

– Натерпелся страха грибник, все грибы растерял!

– Страх – ладно, не было бы еще каких-нибудь сюрпризов вроде инфразвука, – сказал Гаспарян. – Места эти, видать, грибные, ждите еще гостей, особенно в выходные дни. Надо было как-то обозначить зону, не дай бог что случится!

– Чем обозначить? Не писать же объявления на деревьях...

– Не знаю, чем и как. Думайте.

Рузаев почесал в затылке.

– Одни мы не справимся. Охватить надо зону километра три в поперечнике, это по окружности километров десять.

Гаспарян молча зашагал вперед.

– Ладно, посмотрим по ходу дела, – сказал Костров, понимая, глядя в спину начальника группы.

Они снова направились вдоль созданного ручья в лес и вскоре пришли к мнению, что ров тянется точно к просеке, к центральному паутинному скоплению. Однако никаких следов затопления местности не обнаружилось, хотя ручей тек всю ночь и должен был уже разлиться по лесу.

– Странно, – пробормотал озабоченный Гаспарян. – Никакого котлована в районе просеки вроде бы нет. Куда же девается вода?

– В болото, – предположил Костров.

Рузаев промолчал.

Они стояли в удивительном, сказочном лесу, затканном паутинами. Косые лучи утреннего солнца пронизывали его огненными стрелами, и паутины вспыхивали всеми цветами радуги, словно усыпанные драгоценными камнями. Свежая борозда разделяла лес надвое и придавала ему угрюмую материальность. Лишь один звук нарушал колдовскую тишину вокруг – едва слышное журчание воды.

Рузаев сфотографировал ров, исчезающий в туманной глубине леса, и они побрели назад, стараясь идти бесшумно, тихо, инстинктивно ожидая появления чего-то непонятного и грозного.

Их предчувствиям суждено было сбыться наполовину. Непонятное произошло уже через несколько минут, хотя, может быть, и не столь ужасное, как ожидалось.

На опушке леса их остановили трое молодых парней в странных текуче-дымчатых комбинезонах, похожие на десантников, но вооруженные не менее странно: таких пистолетов Костров, сам бывший десантник, никогда раньше не видел.

Некоторое время две группы молча разглядывали друг друга, потом один из незнакомцев, смуглый, курчавый, с тонкой ниточкой усов, сделал шаг вперед.

– Кто вы такие? – Голос был глухой, и по-русски он говорил с неявным и не грузинским, но акцентом.

– А вы кто? – в свою очередь, буркнул Костров, оценивая ленивую грацию парня и прикидывая, какую школу боя он закончил.

– Мы исследователи из Академии наук, – миролюбиво сказал Гаспарян. – Ученые, эксперты. Изучаем аномалию паутин в здешнем лесу.

– Немедленно покиньте эту зону во избежание неприятностей. И не вмешивайтесь в события, что бы ни происходило. Поняли?

Гаспарян перестал излучать добродушие.

– Извините, с кем имею честь?

Парень оглянулся на него равнодушно, покосился на Кострова, определив в нем главного соперника, шевельнул стволом своего красивого, со множеством деталей пистолета.

– Этого вам знать не положено. Сунетесь к хроноплазму ближе чем на два километра, пеняйте на себя!

– Э-э, любезный, у нас есть карт-бланш на исследования феномена, подписанный соответствующим начальником ФСБ, – флегматично заметил Рузаев. – Так что никуда мы отсюда не уйдем.

– Пока наше собственное начальство не подтвердит ваши полномочия, – добавил Гаспарян. – Вы поняли?

«Десантник» в комбинезоне, который то становился металлическим на вид, то зеркальным, то исчезал вовсе на фоне деревьев, поднял было руку с пистолетом, но замер, заметив направленные ему в лицо стволы ружья, которое держал Костров.

– Топайте подобра-поздорову, ребята! Права будете качать в кабинетах, а здесь лес... Мало ли что может случиться.

Усатый брюнет скользнул по фигуре Ивана оценивающим взглядом, кивнул. Он не был ни испуган, ни обескуражен и дело свое знал.

– Вот именно, – сказал он с пренебрежением, – здесь лес, мы вас предупредили, живите пока. Второго предупреждения не ждите.

И вся троица бесшумно растаяла в лесу.

Друзья-исследователи переглянулись.

– Ты что-нибудь понимаешь? – осведомился Гаспарян у Кострова. – Я лично нет. Кто это был?

– Явно не грибники, – ответил за Ивана Рузаев. – А пушки у них крутые, заметили? Я таких не встречал. А ты, Иван?

Костров промолчал.

В лагере обнаружилось, что в палатках побывали гости, обыскав и перевернув все личные вещи каждого. Кроме того, исчезли бинокли и видеокамера. Сделать это могли и случайные воры, гуляющие по лесу, но, скорее всего, здесь побывали «десантники» в странном обмундировании.

В восемь часов утра они молча позавтракали сухим пайком, попили чаю и сложили палатки, собираясь перебазироваться подальше от рва и паучьей зоны, но услышали в лесу неподалеку крик. Переглянулись и, не сговариваясь, бросились в заросли, причем практичный Рузаев успел захватить ружье.

– Везет же нам на крики! – констатировал он хладнокровно.

Это была девушка.

Она лежала навзничь у куста акации, отбросив в сторону кошелку с грибами. Правая ее рука касалась паутины, и прямо над ней сидел громадный, не круглый, а многогранный, неуловимо асимметричный черный паук, поводивший из стороны в сторону двумя передними парами лап.

Костров, бежавший первым, успел охватить ситуацию в одно мгновение, подивившись сходству с собственным случаем у просеки, и на бегу метнул в паука свой фотоаппарат. Паук исчез вместе с паутиной, повеяло странным сухим и горячим ветром. Иван подхватил девушку на руки и бегом направился назад, к лагерю.

– Фотоаппарат подбери! – крикнул он Рузаеву, отмахиваясь от его помощи.

Вместе с Гаспаряном он уложил потерпевшую на брезент, подсунув под ее голову свернутый спальный мешок, и брызнул ей на лицо водой. Ресницы девушки дрогнули, она открыла глаза. Ужас, мелькнувший в них, сменился радостью и недоумением.

– Вы кто? – спросила она, приподнялась и села, пряча ноги под себя.

Одета незнакомка была несколько легкомысленно для лесных прогулок: в небесного цвета кофточку поверх легкого сарафана, открывающего длинные стройные ноги. Смуглая, тонкая в талии, с волной каштановых волос, перехваченных у шеи лентой, она показалась Кострову лесной феей, разве что бледновато одетой для сказки.

– Мы исследователи, – сказал Гаспарян, деликатно отводя глаза. – Не бойтесь, здесь вы в безопасности. Меня зовут Сурен, а это, – он оглянулся на Кострова, – ваш спаситель Иван Костров, эксперт Центра по изучению быстропеременных явлений природы.

Костров церемонно поклонился, шаркнув ногой.

Девушка улыбнулась. Бледность с ее щек стала исчезать.

– Меня зовут Таисия... Тая... Пришла вот за грибами и... Кто это был?

– А кого вы видели?

– Сначала паутины, там их много, просто ужас! А потом паука. Он так смотрел!.. Я замахнулась на него корзиной, и... и мне стало плохо. Потом... появились вы.

Эксперты переглянулись.

– За грибами теперь сюда ходить нельзя. Вы здешняя?

– Вообще-то я живу в Днепропетровске, а сюда приехала в отпуск, мои тетки живут в Жуковке.

– Похоже, весь райцентр ходит сюда по грибы, – сказал Гаспарян Кострову. – Ну что встал? Объясни Таисии ситуацию, а я схожу к Михаилу, что-то долго он твой фотоаппарат разыскивает.

Гаспарян взял из груды снаряжения шуп и скрылся в кустах.

Костров помог девушке встать и вкратце рассказал историю их появления в Брянском лесу.

– До чего интересно! – воскликнула Тая, всплеснув руками. – Я ведь журналист по образованию, работаю корреспондентом в газете. Вот уж никак не ожидала найти здесь материал!

– Этот материал пока не для газеты, – остудил ее восторги Костров. – Слишком много необъяснимого и даже опасного. Вам здесь, наверное, и оставаться-то нельзя.

– Вот еще! – Тая упрямо сжала губы. – Я уже не ребенок, сама могу решать, где мне можно быть.

– Да я не против, – миролюбиво согласился Иван. – Только ведь и мы не решаем, кто имеет право присутствовать возле запретной зоны с пауками.

– Кто у вас начальник? Этот... Сурен? – В характере Таисии, по всей видимости, одной из главных черт была решительность.

– Сурен – руководитель группы, но скоро должен прилететь Игорь Ивашура, начальник отдела.

– Вот с ним и решим, пусть приезжает.

Таисия несколько привела себя в порядок, чувствуя взгляды Ивана, и вдруг посмотрела на него с мольбой:

– Я буду тише воды ниже травы! Ну, пожалуйста!

Костров невольно засмеялся и махнул рукой:

– Договорились.

Из леса вышел мрачный Гаспарян, за ним бесстрастный Рузаев.

– Ну ты даешь! – сказал начальник группы, подходя и бросая на землю шуп.

– Да, природа тебя не слишком обидела. – Рузаев подкинул в руке плоский предмет. – Узнаешь?

– Что это? – удивилась Тая.

Рузаев остановился, потом подал черную мятую пластинку.

– Несколько минут назад *это* было фотоаппаратом. Ваш спаситель метнул его в паука так, что сплющил в лепешку.

– Ерунда, – сказал Костров. – Не мог я метнуть фотоаппарат с такой силой. Там даже дерева поблизости не было – трава и паутина с пауком, так что разбивать фотоаппарат было не обо что. А сделать из него пластину и вообще невозможно без пресса.

– Выходит, это сделал паук.

Костров посмотрел на Таю и пожал плечами.

Гаспарян заметил его взгляд и мягко отнял у девушки искалеченный фотоаппарат.

– А вам, Таисия, придется нас покинуть. Мы не имеем права рисковать чужой жизнью. Еще хорошо, что так закончилась ваша грибная охота, могло быть хуже.

– Почему это вы будете рисковать моей жизнью? Разве я сама не отвечаю за себя? Решайте свои вопросы, я вам не помешаю. К тому же я журналист...

– Ваши... м-м... полномочия не вызывают у нас сомнения, – начал Гаспарян. – Но поймите, зона леса в этом районе действительно стала опасной. Скоро здесь, я думаю, появятся воинские части, и тогда...

– Вот и прекрасно. Когда дело дойдет до официального запрещения, я возражать не стану. А пока... давайте я вам лучше помогу.

Гаспарян почесал горбинку носа, хмыкнул и сдался.

– Ну хорошо, оставайтесь, только одеты вы... м-м... не по сезону.

– Ничего, сбегая домой, переоденусь.

Через полтора часа они перенесли лагерь на триста метров от прежней стоянки, установив палатки в нескольких шагах от заброшенной дороги. А еще через полчаса приехал Ивашура.

Глава 7

Игорь Ивашура на всех производил одинаковое впечатление. Высокий, гибкий и бесшумный, он не ходил, а подкрадывался, был постоянно настороже, словно ожидал нападения со стороны своих самых близких друзей. Лицо у него было резкое, хищное, и на нем выделялись яркие, прозрачно-желтые, «тигриные» глаза...

Ивашура не удивился, встретив их в другом месте. Выгрузив с помощью своих подчиненных какие-то громоздкие ящики, выслушал доклад Гаспаряна, сходил с ним к просеке, посмотрел на «отводной канал» и, задумавшись, присел на ящик, вертя в руках останки фотоаппарата.

– Держитесь, – шепнул Костров на ухо Тае. – Как Игорь решит, так и будет.

– Я не боюсь, – шепотом ответила Таисия.

Костров покачал головой.

За что он уважал Ивашуру больше всего, сказать было трудно. Наверное, за умение ладить с людьми самых разнокалиберных характеров. У начальника экспертного отдела был какой-то особый сплав такта, доброго юмора, мягкости и желания понять собеседника, и вместе с тем он был решителен, тверд в убеждениях и обладал железной волей – качеством, столь необходимым для начальника любого ранга. По-видимому, Тая тоже почувствовала в Ивашуре человека незаурядного, что Костров отметил не без укола ревности. Она рассматривала начальника отдела с любопытством и опаской, потом тихонько отошла за палатки.

– Тут грибов в лесу тьма, – подошел к ним водитель «рафика», усатый, небритый и веселый – рубашка нараспашку. – Вы долго стоять будете? А то я полазаю полчасика с ведерком...

– Ни в коем разе, – буркнул Гаспарян. – В лес ходить опасно. Можете посмотреть издали, что там творится, и назад. Миша, покажи ему.

Рузаев увел недоверчиво улыбающегося водителя и через четверть часа привел обратно, бледного и растерянного.

– Так! – подвел итоги своим размышлениям Ивашура. – Не нравятся мне эти ваши... «десантники». Не похожи они на военный спецназ... или на федералов. Ладно, разберемся. Ждите к вечеру, ничего не предпринимайте и к паукам не суйтесь. А встретите снова давешних знакомцев, на рожон не лезьте, мало ли что им взбредет в голову.

Начальник отдела сел в кабину «Газели», собираясь уезжать, и в это время Костров подвел к машине Таю.

– Вот корреспондент из газеты. Хочет работать с нами.

– Пусть работает, – равнодушно ответил Ивашура, почти не взглянув на девушку, – хотя вам придется отвечать за ее безопасность. Поехали, Миша.

И юркая «Газель» скрылась за поворотом.

– Какой он у вас... быстрый, – сказала ошеломленная Тая со смешком.

Иван кивнул. Что-то, а решения Игорь Ивашура принимал быстро. Правда, выполнял он их еще быстрее.

Вспомнился разговор с Суреном еще в самом начале его научной карьеры в отделе.

– Красивый мужик, – со вздохом признался тогда Гаспарян после знакомства с новым начальником отдела, хотя ему-то как раз грех было жаловаться: почти все девушки отдела были в него тайно влюблены. Но Костров с ним согласился. Ивашура был красив по-мужски, целеустремленной красотой, он был гармоничен всегда и во всем, а это, по мнению Кострова, было главным в человеке. Нет, не зря Тая обратила внимание на Игоря Ивашуру – власть его над людьми была удивительна и неповторима.

– Вот так, – сказал Рузаев и повалился столбом в траву. – Приказано ничего не предпринимать, а я человек дисциплинированный. Люблю бабье лето! Воздух в лесу: дыши – не хочу! Насовсем в деревню уехать, что ли?

– От твоих сигарет деревня за неделю покроется смогом! – проворчал Гаспарян. – Вон как смолишь – пачку в час! Первый раз вижу эвенка, курящего сигареты, а не трубку.

– Брошу курить. Не веришь? Вот докурю... пачку... и брошу. Буду жить один, распашу поле, сохой, на оленях... посажу картошку, капусту...

– Ягель, – подсказал Костров.

Рузаев и ухом не повел.

– Заведу корову, пару баранов, оленшков и буду покорять природу голыми руками, без техники.

– Покоритель! Владыка, так сказать, лесов, морей и рек. Города мы уже превратили в сточные ямы цивилизации, моря, кажется, тоже прибрали к рукам, очередь за деревней, за полями и лесами.

– Ты что, Сурен? – удивился Костров. – Лекцию читаешь? Или вспомнил обязанности общества охраны природы?

– От окружающей среды, – хихикнул Рузаев.

– Двое на одного? – Гаспарян расстегнул свою куртку и покосился на привезенный Ивашурой ящик. – Между прочим, Игорь был-таки в больнице и расспросил пилотов упавшего вертолета. Симптомы те же: они вдруг почувствовали себя плохо, а вертолет потерял управление и врезался в дерево. Чудо еще, что остались живы.

– Инфразвук, – подал голос из травы Рузаев.

– Очевидно. Какие еще причины могут заставить двух здоровенных мужиков потерять сознание? Так что будем делать до вечера, эксперты?

– Лично я буду загорать, – сонным голосом отозвался Рузаев.

– Надо бы разобрать новый груз, – заметил Костров. – Интересно, что привез Игорь?

– Эврика! Вставай, Михаил, отдыхать будешь в институте.

– Не хочу, – сказал Рузаев, однако спустя минуту встал.

– А я пока схожу переоденусь, – сказала Тая. – И вернусь.

– Лучше бы вы, Таисия... – начал недовольно Гаспарян, но посмотрел на Кострова и замолчал.

– Я ее провожу, – буркнул тот. – Вы тут без меня справитесь.

– Хорош! – развеселился Рузаев. – Идеи подавать мастер, а осуществлять их должна Маргарита. Я шучу. – Он похлопал Кострова по плечу, повернулся к начальнику группы. – Справимся, Сурен?

– Иди, – нехотя проговорил Гаспарян. – Только побыстрее возвращайся. И уговори ее остаться дома.

– Не прощаюсь, – звонко засмеялась Тая и взяла Кострова под руку. – Пойдемте, рыцарь. Они ушли.

– Красивая девочка, – вздохнул Рузаев. – И видать, еще не испорчена мужским вниманием.

– Да, – согласился Гаспарян и подумал об Ивашуре. – Они с Иваном чем-то похожи, да? Волосами особенно.

– Миша, – через некоторое время позвал он, – у тебя дети есть?

– Дочка Галина. – Рузаев, прищурясь, посмотрел на товарища. – А что?

– Да это я так, к слову... Сколько ей?

– Двадцать четвертый пошел.

– Да ну? – поразился Гаспарян. – Это сколько же тогда тебе?

– Сорок семь. Что, хорошо выгляжу?

Гаспарян покачал головой.

– Я думал, ты мой ровесник, мне тридцать четыре...

Костров вернулся к обеду без Таисии. Она пообещала прийти к вечеру и побежала на вокзал сдавать билет.

Подходя к биваку, Иван заметил за редким сосняком у дороги двухвинтовой вертолет и поспешил к палаткам. За время его отсутствия возле лагеря побывала какая-то автомашина, это он определил по отпечаткам шин, а вертолет был двухместный, легкий – «Ка-18».

Возле их оранжево-синей палатки стоял Гаспарян и разговаривал с двумя незнакомцами в серых брезентовых спецовках.

– Понятно, – сказал один из них – плотный, с ежиком седых волос. – Доложу начальству, пусть решает. Поехали, Витя.

Очкастый долговязый Витя мотнул головой, отвечая на приветствие Кострова, и зарысил к вертолету.

– Это наш сотрудник Иван Костров, – представил Ивана Гаспарян.

– Матвеев, – протянул руку седой. – Странные тут у вас дела творятся, товарищи ученые. Ну да ладно, еще не раз сюда приеду, чувствует мое сердце. Пока...

Вертолет улетел.

– Электрики? – спросил Костров.

– Начальник дежурной смены Жуковской подстанции, – буркнул Гаспарян. У него отчего-то испортилось настроение.

– А еще кто приезжал? Я видел на дороге следы машины...

– Случайные гости. Проехали мимо, в лес.

– А где Михаил?

– Тут я, – ответил из палатки Рузаев. – Пришли?

– Я один.

Рузаев выглянул.

– Уговорил-таки остаться? Молодец! Я был о тебе лучшего мнения.

– Не уговорил, обещала прийти вечером.

– Тогда другое дело, – хмыкнул Рузаев и снова скрылся.

– Зачем хоть электрики прилетели?

– Утечка возросла, – очнулся от раздумий Гаспарян. – Напряжение в сети село почти на десять процентов. Если так пойдет и дальше, придется воевать с пауками всерьез, иначе район останется без электричества.

– А те «десантники» не появлялись?

– Нет. Отстань, Костер, я же тебе не справочное бюро.

Костров изучающе посмотрел на озабоченное лицо Сурена. Таким он его еще не видел. Сдержанная насмешливость Гаспаряна куда-то исчезла, уступив место угрюмой нерешительности и тревоге. В подобной ситуации никто из них не был, но Гаспарян интуитивно чувствовал серьезную опасность паучьего нашествия и мучился сомнениями относительно правильности своих действий, хотя уже понимал, что инициатива перешла в руки Ивашуры, а сам он, по сути дела, ничего толкового не придумал и не сделал.

Костров сунул голову под полог палатки и шепотом спросил Рузаева, перезаряжающего фотоаппарат:

– Что это Сур ходит как под наркозом? Что тут произошло?

– Ничего, – сказал из-под одеяла Рузаев и добавил, понизив голос: – Просто в нем сейчас умирает лирик.

Костров почувствовал в словах Михаила дружеский совет не мешать и буркнул:

– Понял.

Взяв из ящика складывающийся электрозонд и электрометр, он сказал в спину Гаспьяну, что идет в лес.

В паучьем логове ничего не изменилось, если не считать того, что площадь, занимаемая паутинами, увеличилась. Пауки принялись застраивать Скрабовку и кое-где еще пересекли дорогу недалеко от старого места расположения лагеря.

Костров понаблюдал за каналом, снабжающим паучий город водой, пробрался к просеке со стороны болота, стараясь думать о пауках «приятно», и долго всматривался в белое мерцание паутиновых башен, взобравшихся по опорам линии электропередачи до гроздей керамических изоляторов. «Вот откуда утечка из линии, – подумал он. – Паутина проводит ток в землю...»

Ни одно движение не нарушало мертвой неподвижности леса и паутинного царства, и это было странно, потому что Кострова не покидало ощущение, что за ним наблюдают чьи-то внимательные глаза. Сторожат, подумал он, преодолевая искушение швырнуть в кусты зонд. Пусть сторожат, я мирный прохожий... Повернувшись к просеке спиной, он не спеша двинулся обратно, ожидая оклика или выстрела в спину. Напряжение постепенно ушло, неслышимое ворчание страха втянулось в лес, ощущение взгляда со стороны прошло.

Костров вытер холодный пот со лба и ускорил шаг.

И в этот момент из-за штабеля почерневших от времени и непогоды бревен вышел знакомый смуглолицый, с усиками а-ля опереточный злодей «десантник» все в том же «плывущем», меняющем цвет и рисунок ткани комбинезоне.

– Мы же предупреждали, – сказал он негромко, – чтобы вы не совались сюда и ни во что не вмешивались. Неужели не поняли?

У Ивана засосало под ложечкой, но вины за собой он не чувствовал и огрызнулся:

– Да пошел бы ты сам... куда подальше! Мы имеем полное право здесь находиться и не уйдем, пока вы не докажете свои полномочия. Причем не нам, исполнителям, а начальству. Я понятно выражаюсь?

– Доказывать нам не обязательно, а наказывать за неповиновение мы умеем. Встречу еще раз – умрешь! А пока получи на память... – Брюнет поднял руку, в которой вдруг оказался пистолет, и Костров, давно готовившийся к подобному обороту событий, прыгнул к «десантнику», подныривая под его руку и выбивая пистолет в жесткой манере полузахвата-рывка-слома.

«Десантник», однако, драться умел, хотя стиль его боя был Ивану неизвестен. Пришлось вспомнить все навыки рукопашника, которые в гражданской жизни казались ненужными.

За три минуты схватки Иван получил три хороших удара в голову и грудь, смягченных блоком, но все же хлестких, тяжелых, и сам провел ответные атаки, потрясшие усатого незнакомца, который не ожидал встретить профессионала. Особенно хорошо получился ёнсьоль – прием в стиле хапкидо, соединяющий жесткий удар голенью с не менее жестким броском. «Десантник» улетел под обрыв старого дренажного рва и, хотя тут же взлетел обратно как на крыльях, словно ему помогал комбинезон, в драку больше не полез. Да и Кострову надоел поединок, превратившийся в бой не на жизнь, а на смерть. Поэтому он в прыжке достал выпавший из руки противника пистолет, удобно легший в ладонь, и направил дуло с какими-то ребристыми выступами и штырьками в грудь усатого.

– Достаточно, вояка! Я к тебе не лез, и ты не приставай. Гуляй, откуда пришел, я могу и рассердиться. И не дай бог тебе еще раз встретиться со мной!

– Отдай ручник, – сказал «десантник» без выражения.

– Его я оставляю пока у себя, дабы не возникало недоразумений. Придешь в лагерь со своим начальством для выяснения полномочий, тогда и отдам.

Усатый безмолвно исчез в кустах, затем издалека прилетел его тихий, но отчетливый голос:

– Мы встретимся, рыжий, хотя и в других временах...

Размышляя над этой фразой, Иван закончил прогулку и подошел к палаткам лагеря, когда уже завечерело. Откуда-то из-за деревьев доносилось бормотание мотора, и стало ясно, что вернулся начальник отдела. А так как Ивашура приехал не один – вместе с ним на зеленом с синей полосой «уазике» прибыл невысокий худой майор милиции с двумя рослыми молодыми людьми в штатском, – Иван решил не показывать свой трофей, а лишь рассказал в двух словах о новой стычке с «десантником».

Действовали приехавшие расторопно, записали рассказы всех троих – Гаспаряна, Рузаева и Кострова – на диктофон, и Рузаев, свыкшийся с ролью проводника, увел их в лес.

– Только недолго! – крикнул им вслед Ивашура. – Скоро стемнеет, мало ли кто еще может здесь шататься. – Он повернулся к Ивану, разглядывая его лицо пронизательными глазами. – О чем умолчал?

– Так, о пустяке. – Костров протянул начальнику отдела отобранное оружие.

Ивашура повертел в руках тяжелый, хищно-красивый, необычной формы пистолет, поднял брови.

– Никогда ничего подобного не видел.

– Я тоже. Давай испытаем?

– Позже, пусть уедут. Спрячь пока. Предъявить его мы всегда успеем. Но никому ни слова.

– Само собой.

– А что нам делать? – подошел Гаспарян, несколько повеселевший после прибытия гостей.

– Сегодня – только регистрация фона вокруг зоны с паутинами, а завтра – посмотрим. Хорошо бы, конечно, отловить пару экземпляров, специалисты быстро разобрались бы, откуда эти пришельцы. Не пытались ловить?

– Пробовали, однако, – вмешался вынырнувший из леса Рузаев. – Но встречаются они довольно редко, и реакция у них поистине космическая, да и ловить их небезопасно.

– Куда ты дел районное начальство УВД? – вполголоса спросил Гаспарян.

– Они пожелали остаться одни, дальше обещали не ходить.

– А почему пауков ловить небезопасно? – поинтересовался Ивашура. – Из-за инфразвука?

Рузаев напомнил ему случай с фотоаппаратом Кострова.

– Ну, это не аргумент, – махнул рукой начальник отдела. – Иван, как это было?

Костров рассказал, не зная, как относиться к случившемуся: с иронией или серьезно.

– Когда я его бросил, – вспомнил он вдруг, – в лицо мне пахло горячим воздухом, как из... духовки.

– Любопытно. Что скажет по этому поводу металловед?

– Насчет горячего воздуха ничего, а вообще хорошо бы этот фотоаппарат отдать в нашу лабораторию, – проговорил Гаспарян, раздувая костер и умудряясь при этом оставаться чистым и франтоватым. – Нужен всесторонний анализ. Но все же считаю, что Иван не мог с такой силой метнуть аппарат, чтобы сплющить его в лепешку. Для этого нужен удар силой в пару сотен килограммов, если не больше.

– И я сомневаюсь, – пробормотал Костров. – Разве можно сплющить фотоаппарат о траву или кусты?

– Маловато, – вздохнул Ивашура. – Маловато мы еще узнали, больше сомнений, чем знаний.

– Знания – это сомнения, оставшиеся неопровергнутыми, – изрек Рузаев известный афоризм, но вопреки его надеждам никто не откликнулся на шутку.

Ивашура легко вскочил с места, спрятал записную книжку в карман.

– Что ж, займемся ужином, надо накормить гостей. Я, пожалуй, пойду им навстречу, а вы тут хозяйничайте.

Рузаев с Костровым быстро приготовили немудреный ужин: консервы, малосольные огурцы, привезенные Ивашурой, сгущенное молоко. Гаспарян вскипятил чай.

Солнце зашло за щетинистый гребень леса, поляну у дороги пересекли длинные тени от высоких сосен. С запада на небосклон набегала гряда не слишком симпатичных облаков, и Рузаев со знанием дела предсказал скорое изменение погоды.

– Если пойдут дожди, завязнем в грязи, – поморщился Гаспарян, посматривая на часы. – Где же они там?

– Кто, дожди?

– Не издевайся, я о гостях. Зря ты отпустил их одних, Михаил, еще случится что-нибудь...

Костров тоже посмотрел на часы, но по другой причине. Таи все еще не было, и он уже начал беспокоиться, не случилось ли с ней чего-нибудь по дороге к лагерю.

Рузаев встал, собираясь пойти на розыски ушедших, но в это время из леса донесся знакомый жуткий вопль, всколыхнувший торжествующую тишину вечера.

– Эт-то еще зачем?! – изменился в лице Гаспарян. – Засекли, в какой стороне?

Однако в их помощи никто не нуждался. Через несколько минут со стороны реки послышались голоса, и к палаткам вышли все четверо: слегка улыбающийся Ивашура, растерянный майор милиции и оживленно разговаривающие парни.

– Мы уже хотели бежать на помощь, – сказал Костров.

– Дьявольщина! – хрипло произнес майор, снимая фуражку и обнажая лысину. – Вы были правы, Игорь Васильевич. Поехали, ребята.

– А ужин? – спросил разочарованный Рузаев.

– Какой там ужин?! – махнул рукой майор. – Некогда ужинать. Да, братцы, задали вы нам задачку!

– Разве мы? – весело удивился Ивашура. – Скорее уж с вас все и началось, после аварии вертолета. Так, я надеюсь, вы примете меры?

– Как и договорились.

Майор еще раз махнул рукой, попрощался и полез в «уазик». Машина уехала, эксперты снова остались вчетвером.

Поужинав, Костров отмерил по дороге несколько километров в сторону райцентра, но Таи так и не встретил.

Укладываясь спать, Рузаев посмотрел на мрачную физиономию товарища и подмигнул остальным.

– Будь оптимистом, Иван. Не пришла сегодня, придет завтра. Однако будь осторожен, история учит, что красивая женщина – это в основном голод любви, жажда самовыражения и неоправданные надежды.

– О ком вы? – сверкнул в полутьме рысьим глазом Ивашура.

– Да о той девушке, которую Иван спас от паука, – пояснил Гаспарян. – Фотоаппарат не пожалел и нести никому не позволил. А фотоаппарат, между прочим, вещь подотчетная.

В палатке установилась тишина, нарушаемая только дыханием людей. Снаружи палатки тоже царила тишина: ветер стих, и лес перестал шуметь, замер в мертвом оцепенении.

– Нет ли тут связи? – подал через некоторое время голос Гаспарян. – Между нашими мыслями и действиями пауков?

– Поясни, – коротко отозвался Ивашура.

– Возьми случай с Иваном: он подумал, что неплохо бы поджечь лес с пауками, и... потерял сознание от инфразвукового удара. Есть даже запись в ЗЗУ. Потом эта девушка, Таисия.

По ее словам, она замахнулась на паука и тоже потеряла сознание. Симптомы те же. Затем пилоты... Все совпадает до мелочей. Сегодня утром и я попробовал... – Он замолчал.

– Что ж не предупредил? – укоризненно проговорил Рузаев.

– Не хотел рисковать всеми. Сознания не терял, но почувствовал себя плохо именно в тот момент, когда подумал об уничтожении пауков. Интересно, что ЗЗУ записало вместе с инфразвуком и ультразвуковое эхо. Хочешь не хочешь, а напрашивается вывод, что паукам не нравится наше вмешательство в их дела, даже мысленное. Каким-то образом они чуют угрозу с нашей стороны и отвечают тем же.

– Пауки-телепаты! – фыркнул Костров, вылезая из палатки. – Кстати, эти серые «десантники» тоже говорили о нашем вмешательстве, хотя мы ни во что не собираемся вмешиваться. Странно все это. Может быть, они и пауки – из одного лагеря. Какие-нибудь спецвойска ФСБ.

– Спецвойска предъявили бы документы, – сказал Ивашура. – Нет, история с этими спецназовцами темная, я недаром пригласил милицию и уполномоченного федеральной безопасности по району. Пусть разбираются.

– А красиво все-таки светится, – сказал минуту спустя Костров, стоя у палатки.

– Что там у тебя светится? – спросил Ивашура.

– Не у него – воздух над просекой, – пробормотал Гаспарян.

Глава 8

Разбудил их дождь, хлеставший по палатке, как из пожарных шлангов. Костров посмотрел на часы – светящиеся цифры показывали семь утра – и выглянул из палатки. Небо было затянуто сплошной серой мутью, прочерченной кое-где космами ливня. Пелена дождя размыла лес в акварельный пейзаж, вылезать в такую мокрядь не хотелось.

Однако пришлось. Предусмотрительный Ивашура достал всем армейские плащ-накидки из привезенного накануне запаса, и даже ворчливый Гаспарян примирился с непогодой.

После девяти часов колесо событий, несмотря на продолжающийся дождь, закрутилось с ошеломляющей скоростью.

Сначала из районного центра прибыли три грузовика со взводом солдат местного гарнизона. Солдаты в мгновение ока поставили рядом с палаткой экспертов две свои, громадные, тридцатиместные, раскочегарили кухню, поставили умывальники, навес для столовой и, выслушав инструктаж, исчезли в лесу, растягиваясь в оцепление. В лагере оставались только дежурные кухонного наряда и один дневальный на обе палатки.

Потом примчался вездеход на воздушной подушке и привез Матвеева, знакомого уже начальника смены с подстанции, с ним – почти всю его смену электриков, четырех человек. Настроены они были решительно, но, выслушав советы Гаспаряна, ушли в лес уже менее бодро. Сопровождал их Рузаев. А еще через полчаса прибыл громадный бело-синий вертолет и привез научного директора Центра Богаева и группу ученых из областного отделения Академии наук. Поляна запестрела разномастными плащами и даже зонтиками.

Во всех этих событиях чувствовалось влияние Ивашуры, его умение доказывать необходимость этих мероприятий, и Костров в который раз признал в душе его превосходство над собой. Ивашура в свои неполные тридцать лет был личностью незаурядной. Все эти и другие мысли промелькнули в голове у Кострова в тот момент, когда он увидел в кабине вездехода Таю. Она издали помахала ему рукой и ушла вслед за основной группой «экскурсантов».

За день еще дважды прибывали машины из города, привозили каких-то людей – видимо, представителей местной власти. Поляна, где эксперты разбили лагерь, преобразовалась и стала походить на военно-полевой штаб. Движение заметно оживилось.

Солдаты закончили растягивание трехкилометровой зоны проволочного ограждения с грозными табличками: «Стоять! Запретная зона! Опасно для жизни!»

Рузаев с вертолетчиками подстанции опустился на их машине к центру просеки и сфотографировал лес сверху. Вернулся он с непривычно рассеянным видом, а на вопросы товарищей отвечал:

– Пауки строят крытый стадион...

Несколько раз в лесу слышались дикие, ни с чем не сравнимые крики, уже знакомые экспертам. Эти крики заставили гостей отнестись к странной паучьей деятельности с вниманием. К тому же двое солдат из оцепления почувствовали себя плохо, и оцепление отодвинули от проволочного забора еще на сто метров.

Однако ни одному из солдат, равно как и офицерам, и руководителям экспедиции «десантники», с которыми контактировали эксперты Центра, не встретились. Принадлежность их неким спецслужбам осталась недоказанной, и попахивало от этой истории чем-то мистическим, таинственно-грозным и опасным.

Оружие, отобранное у смуглого «десантника» Костровым, Ивашура испытал на второй же день и был поражен настолько, что еще раз предупредил Ивана никому ни о чем не рассказывать: выстрел из пистолета проделал в склоне холма метровой глубины нору диаметром в два метра, отблескивающую глазурью, а также развалил надвое ствол громадного дуба. Что такого оружия в природе не существует, Ивашура был уверен на сто процентов. Откуда оно

взялось у неизвестных, гадать было бесполезно, размышления же об этом заводили мысль в дебри недоказуемых фантазий.

Вечером в одной из больших палаток состоялась пресс-конференция, подготовленная Ивашурой. На ней присутствовали ученые мужи, представители губернатора, командиры воинской части, корреспондент АПН и эксперты Центра.

– Я думаю, настало время скоординировать наши действия, – картавя, начал Богаев, низкорослый, полный, круглолицый. – Мы полагаем с завтрашнего дня начать тщательное исследование феномена с привлечением всех лабораторий Центра – имеются в виду биологические лаборатории. Но нужны специалисты в области арахнологии, экологии, палеозоологии. Надеюсь, в этом нам поможет Академия наук.

– Непременно, – быстро ответил багроволицый, тучный академик Зиновьев, то и дело вытирающий лицо платком. – Это же чудовищное, небывалое явление! Я такого не припомню за все полвека моей научной деятельности, да-с.

– Сколько же времени вы думаете исследовать пауков? – задал вопрос губернский представитель.

Богаев развел руками.

– Этого я вам сказать не могу. Явление очень редкое, ранее не наблюдавшееся. Нужен осторожный, тщательно продуманный подход, всесторонний анализ.

– Да какой еще анализ! – вскочил представитель губернатора. – Район получает крохи электроэнергии, в домах нет света! Скоро останутся заводы, асфальтовый и велосипедный, лесозаготовительные комплексы! Фермеры без света тоже не смогут работать! Вы представляете масштаб вашего «научного явления»? Не строить же другую ЛЭП, пока вы будете изучать пауков!

– Что вы предлагаете конкретно? – спросил Ивашура.

– Что тут предлагать? Очистить линию от паутины, отогнать пауков, коль уж они у нас воду пьют и электричеством пользуются.

– Сделать это, к сожалению, непросто. К просеке сейчас не подойти, пауки отпугивают людей инфразвуком.

– Ей-богу, верится с трудом, – проговорил Зиновьев, – хотя я и сам убедился. Как пауки генерируют инфразвук, каким образом отводят электроэнергию, зачем она им нужна – сплошные загадки.

– Верно... странные паутины... прочные... Вода куда-то девается... Пауки величиной с собаку! – раздавались голоса.

– Вот-вот, а вы обратили внимание на конструкцию паутины? Ведь ни в какую теорию не лезет! Паучий город, да и только! Так что, извините, исследовать сие явление нужно и должно, – повернулся академик к представителю власти. – Как вы понимаете, электрики уже пытались сбить паутину с проводов ЛЭП, и вертолет с ними потерпел аварию. Где гарантии, что с другими не произойдет то же самое?

– И все же надо что-то делать, – буркнул губернский представитель. – Так это оставлять нельзя. Нешуточное же дело, – заволновался он снова. – Да с нас же народ, общественность голову снимут, если мы обесточим район!

Богаев усмехнулся, обвел сидящих на солдатских койках прищуренными глазами.

– Прошу высказываться, господа. Может быть, у кого-нибудь есть гипотезы, которые смогут пролить свет на вторжение пауков? Жаль, среди нас нет арахнологов...

– Арахнологов действительно нет, – подтвердил Ивашура, – приедут завтра, но есть зоологи.

– А что с них толку? – под общий смех сказал Зиновьев. – Я тоже зоолог, ну и что? Я даже паука не видел, только паутины да ров с водой. Может, это сделали вовсе и не пауки?

– Пауки, пауки, – успокоил его Ивашура. – Тут недалеко наши сотрудники в походных условиях делают фотографии, снимали они много, скоро принесут. – Он нашел глазами Кострова. – Сходи узнай, как там дела у Михаила.

Иван сходил в палатку к Рузаеву и принес пачку мокрых отпечатков – сушить их было негде. Фотографии разошлись по рукам, в палатке раздавались удивленные возгласы, говор двух десятков людей.

– Насмотрелись? – спросил Ивашура у Зиновьева, разглядывающего не очень качественную фотографию паука.

– Насмотрелся, – вздохнул тот. – Это не пауки. По форме они близки к сольпугам из семейства фаланг, но и не сольпуги... Помесь какая-то...

– Знаете, – слегка заикаясь, сказал молодой ученый-зоолог, сотрудник Центра, – ведь этот паук похож на прапаука, древнейшего паука из верхнего силура.

– Силурийский паук? – с сомнением произнес Зиновьев. – Реликт, так сказать? Не знаю, не знаю...

– Похож, – вмешался кто-то из сидящих. – Недавно читал статью Барановского в «Природе». Там приводилась фотография, вернее, реконструкция предка современных паукообразных. Ваш паук как две капли воды похож на него.

– Не знаю, не знаю... – повторил Зиновьев, упрямо покачивая головой. – Ни один из пауков древности не достигал таких размеров.

В палатке наступила тишина.

– Ну хорошо, пусть прапауки, пусть силурийские пауки, вымершие, кстати, более четырехсот миллионов лет назад, – продолжал академик. – Что это нам дает? Откуда они? И почему именно здесь, в Брянском лесу? Почему в зоне умеренного климата?

– Вопрос некорректен, – мягко сказал Ивашура. – Все равно что спросить: почему материальное тело состоит из атомов? Аксиома...

– Не так уж и некорректен, – не удержался Костров, чувствуя рядом локоть Таи. – Возможно, в силурийском периоде зона умеренного климата была зоной полупустынь и субтропиков, а наши пауки не знали, что климат изменился, и явились на старое место обитания...

– Это скорее фантастический экзерсис, – улыбнулся Ивашура, – нежели научное предположение. А для окончательного вывода требуется мнение специалиста-арахнолога, не в укор всем будет сказано. Что касается уничтожения пауков... – Он не договорил.

Совсем близко, за тонкими намокшими стенами палатки, пугающе громко раздался длинный пронзительный вой, прервавшийся на высокой ноте. В нем явственно прозвучали угроза и холодный вызов.

Все вскочили с мест. Тая вцепилась Кострову в руку.

За стенами послышались команда и удаляющийся топот.

– Что это?! – спросил в наступившей тишине Зиновьев. – Третий раз слышу!

– Ответ пауков, – спокойно сказал Ивашура, – дружеский совет их не трогать.

Глава 9

Последующие дни были заняты суетой, связанной с размещением прибывающих специалистов всех рангов, изучением реакции пауков на действия людей и спорами ученых, предложивших несколько гипотез и отстаивающих каждый свою.

Костров, как старожил, нес службу проводника одного из малых исследовательских отрядов, в который входили немолодой кандидат биологических наук, один из электриков, норотивший все потрогать своими руками, старик Гришин, профессор экологии Московского университета, и эксперт Валера из отдела Ивашуры, чрезвычайно энергичный и любознательный. Из-за его рассеянности Костров все время вынужден был держаться начеку, так как олицетворял собой силы безопасности отряда и отвечал за действия и здоровье каждого целиком и полностью. А Валера – маленький, кругленький, как шарик для пинг-понга, в очередной раз выброшенный стальной рукой Кострова из скопления паутин, – только помаргивал белесыми ресницами, продолжая глазеть по сторонам и забывая о самой элементарной осторожности. Зато у него была своя «выстраданная гипотеза», о которой он любил размышлять вслух.

– Вы знаете, у него в самом деле интересная гипотеза, – признался как-то Кострову сухопарый медлительный Гришин. – Я все чаще прихожу к выводу, что этот молодой человек в чем-то прав.

– В чем же? В том, что человечество нарушило тонкую структуру времени и от этого образовался канал, по которому пауки из силурийского периода прорвались в наше время?

Гришин уловил в голосе Ивана иронию, но остался спокойным.

Они стояли на бугре, поросшем тонкими дубками. Под ногами шуршали опавшие листья, сплошным слоем усеявшие землю. В лощине у одной из паутин, сплетенной пауками совсем недавно, возились с приборами биолог и электрик, а эксперт Валера стоял на коленях возле пустого муравейника и размышлял о чем-то вслух.

– Нет, в пришельцев из чужих времен я не верю, – ответил Гришин. – Много неувязок, идея бездоказательна, хотя небезынтересна. Понимаете, ни прапауки, ни пауки сегодняшнего дня не живут колониями, как муравьи, например. А тут налицо паучья колония! Нонсенс! Пауки – хищные насекомые! Главное, однако, не в этом. Вам не кажется символичным, что пауки появились в самом чистом – экологически чистом – уголке земной природы?

– Не знаю, – осторожно сказал Костров, не понимая, куда клонит Гришин. – Вы считаете, что центр Брянского леса – наиболее подходящее для пауков место? Или оно выбрано ими разумно?

– Разумно – не то слово, хотя стоит задуматься над тем, что заставило пауков трудиться коллективно. Я хочу сказать, что пауки – живородящие твари, они не могли вылупиться из яиц, пролежавших в земле сотни миллионов лет. Понимаете?

– Тогда Валера прав, и пауки появились здесь через тоннель времени...

Гришин с неопределенной гримасой покачал головой.

– Дался вам этот тоннель... Вы упомянули о разумности пауков.

– Коллектива пауков.

– Разумеется. Так вот, если бы этот коллектив был разумен, он никогда бы не выбрал для развития Брянский лес, да и вообще умеренные широты. Нет-нет, пауки появились в здешних местах случайно, будьте уверены.

– Почему вы так думаете?

– Вы измеряли температуру поближе к паутинному скоплению? Вижу, что нет. А мои коллеги замерили, и оказалось, что под паутинным пологом температура на пятнадцать-двадцать градусов выше, чем в среднем по лесу!

– Микроклимат? – хмыкнул Костров, вспоминая свой бредовый сон.

– Верно, микроклимат. Пауки строят себе дом по всем правилам строительного искусства, с отоплением от линии электропередачи и водопроводом.

– Тогда следует принять за аксиому, что они таки разумны. – Костров пожал плечами. – Почему бы и нет? У Валеры есть еще одна гипотеза, что пауки пожаловали к нам из соседнего измерения.

Гришин поморщился.

– Несерьезно. Валера в этой гипотезе не оригинален, о соседних измерениях, по-моему, даже фантасты перестали писать. Пауки действуют целесообразно, это верно, но называть их действия разумными я бы не стал. Их строительная деятельность – наверняка проявление какого-то сложного инстинкта, о котором мы не имеем ни малейшего представления. Не будете же вы отрицать, что в природе существуют примеры подобных явлений, которые мы, однако, не причисляем к разумным.

– Но что строят пауки? Масштаб их деятельности не так уж мал.

– Что? Убежище, например, город, так сказать. Близится зимний период, холода, вот они и спешат. Это самое простое и, может быть, самое близкое к истине объяснение. А может быть, они ищут способ вернуться туда, откуда прибыли, ведь появились же они откуда-то, из какой-то странной экологической ниши? Видите, и я вслед за вами начал фантазировать.

– И совсем неплохо, – похвалил Костров. – Экологическая ниша, заселенная силурийскими пауками, замороженная в веках в Брянском лесу и открывшаяся сегодня! Совсем неплохо! Только какая причина заставила ее раскапсулироваться?

Гришин развел руками.

– Чего не знаю, того не знаю. Давайте догоним наших коллег, они ушли вперед. Кстати, мне послышался возглас Валеры...

Костров огляделся и бросился в лощину. Возле паутинной башни он нашел Валеру, замершего в странном ожидании: глаза расширены, взгляд устремлен в бесконечность, лицо бледное, лоб покрыт испариной.

Костров тронул его за плечо, и Валера безвольно упал, словно мягкая тряпичная кукла. Испугавшись, Иван позвал остальных и принялся делать искусственное дыхание. Втроем они с трудом привели молодого эксперта в чувство. Очнувшись, тот бессмысленным взглядом обвел встревоженных товарищей, кусты и, пробормотав что-то о немыслимой жаре, древних папоротниках, пожаловался на сильную головную боль.

Пришлось возвращаться в лагерь и оставить пострадавшего под присмотром добровольной медсестры – Таи.

– Инфразвук? – спросил Ивашура, отведя их в сторону.

– Не похоже, – ответил Костров. – Мы бы тоже почувствовали.

– Тогда электрошок. Замерили электрическое поле в том месте?

Костров переглянулся с Гришиным и виновато опустил голову.

– Не догадались.

Ивашура нахмурился.

– Несерьезно, Иван.

Костров слегка покраснел под изучающим взглядом Гришина и вдруг неожиданно для себя самого рассказал им свой странный сон – «путешествие во времени» – и присоединил слова Валеры о жаре и папоротниках.

– М-да-а... – протянул Гришин. – Как, вы говорите, выглядели эти деревья?

– Высокие стройные колонны, пушистые, словно в шерсти, с пучками больших «перьев» на вершинах.

– Похожи на кордаиты или на сигиллярии, но не совсем...

– Вы что же, всерьез полагаете, что Иван побывал в девонском периоде? – прищурился Ивашура.

– Не думаю, но... чего только не приходит в голову при близком знакомстве с пауками. А сон Кострова, кстати, не лишен здравого смысла. Наши пауки не зря создают себе микроклимат – значит, привыкли к более жаркому климату. Там же, где, по словам Ивана... э-э, Петровича, он оказался, было очень жарко. Совпадение?

Ивашура задумался, вздохнул и отошел. Как-то само собой получилось, что он стал начальником комплексной экспедиции и взял на свои плечи всю полноту ответственности. В реальность сна Кострова он не поверил, как не верил и сам Иван. Слишком уж сказочным было допущение «путешествия во времени». Скорее всего, сон был галлюцинацией, вызванной инфразвуковым ударом или электрошоком. То же самое случилось, очевидно, с Валерой...

Погода не менялась. Целыми днями моросил мелкий занудливый дождь, превративший дорогу в грязевой поток. Все ходили мокрые, измазанные торфом, глиной и зеленью. Одежда не успевала просыхать за ночь, и приходилось с отвращением натягивать на себя распаренные сырые брюки, рубашку и куртку. Один Гаспарян сохранял вид «столичной штучки» и ходил сухой, словно переодевался каждый час.

Тая раздобыла где-то палатку и переносила тяготы походной жизни вместе с остальными, не обращая внимания на уговоры новых друзей беречь здоровье в городе.

– Всем известно, что на природе здоровей, – смеялась она.

Когда в четверг, на шестой день пребывания ученых у паучьего города, Костров вернулся с вечерней бесплодной прогулки, Таи в палатке не было. Обнаружив, что Ивашуры тоже нет, он швырнул в угол свою куртку и принялся насвистывать невеселую мелодию, прикидывая, где в это время может находиться начальник отдела.

– Паук укусил? – негромко осведомился Рузаев.

– Если бы, – вздохнул Костров, залезая в сырой спальный мешок. – Миша, извини за любопытство, ты женат?

Рузаев помолчал.

– Второй любопытный. Неужели я так плохо выгляжу?

– Да нет, – смутился Костров. – Я вообще...

– Ну, если вообще, то прощаю. Кстати, как у тебя с Таей?

– А никак... не знаю как. Мы, по сути дела, незнакомы. Закончим расследование и разедемся в разные стороны...

Рузаев несколько минут размышлял.

– Знаешь, парень, – сказал он наконец серьезно, – есть одно мудрое изречение: «Научи меня, господь, спокойно воспринимать события, ход которых я не могу изменить, дай энергию и силу вмешиваться в события, мне подвластные, и научи мудрости отличать первые от вторых».

Рузаев поворочался и затих.

– Философ! – раздался из-под одеяла глухой голос Гаспаряна: он тоже не спал. – Научил мудрости... Внемли, Иван, иной раз даже такой липовый философ может дать хороший совет. Кстати, тех «десантников» больше не встречал?

Костров помедлил.

– Показалось однажды... но в контакт не вступали, если, конечно, это были они. Тут всяких спецназовцев сейчас навалом бродит, мог и обознаться.

Иван вспомнил об испытании Ивашурой чужого пистолета и замолчал. Улегся в спальник, стал смотреть на полог палатки, освещенный прожектором из дальнего угла поляны. Неподалеку слышались голоса, позвякивание, фырчание мотора, шаги: жизнь военизированного лагеря шла своим чередом.

«Не каждому дано мыслить глобально, – думал Костров, вспоминая свои поступки, разговоры, решения. – Не от этого ли появляется иногда смутное недовольство собой, мелкостью собственных желаний и решаемых проблем? Ну хорошо, допустим, Игорь Ивашура масштаб-

ней, умнее, сильнее и так далее, допустим. Означает ли это, что на его фоне я выгляжу бледно? Или он колдун, раз Тая все чаще обращает на него внимание? Научи меня, господь, спокойно воспринимать события... неподвластные мне события... А какие события мне неподвластны? Разве я не могу изменить положение в свою пользу? Впрочем, изменять пока нечего, не надо спешить с выводами. Ивашура не настолько слеп, чтобы не заметить красивой девушки, а если он все-таки ее не замечает, то это не его идеал... И хватит об этом! Миша дал прекрасную идею, и единственная его ошибка в том, что на господа бога уповать не надо. Если я не научу себя сам, никто другой мне не поможет... Гораздо сложнее решить проблему пауков! Откуда они, почему появились в здешних местах, как с ними договориться... Да и «десантники» шастают тут странные. Чего они добиваются? Зачем и о чем предупреждают? Откуда заявились сюда? И откуда у них такое оружие, способное одним махом снести полхолма?»

Уснул он незаметно и не видел, когда вернулся Ивашура.

Начальник отдела разделся, включил фонарь и долго разглядывал спящих в палатке, словно удивляясь чему-то. Кострову в это время снились жуткие оскалы паучьих морд, Тая, бьющаяся в паутине, а также Игорь Ивашура с ружьем, отстреливающийся от лавины пауков...

Глава 10

В четвертом часу ночи шум возле палаток заставил всех проснуться. Ивашура второпях оделся и пошел узнавать, в чем дело. Вернулся он быстро.

– Вставайте.

– Что там такое? – сквозь зевоту спросил Гаспарян.

– Район полностью обесточен. Приехали губернатор Брянска Глазунов и высокое начальство из безопасности. В общем, подъем!

Костров оделся быстрее всех и выскочил из палатки. Дождя не было, но воздух был серым и холодным, из-под ног брызгала вода. Над лесом в районе болота висело облако прозрачно-голубоватого свечения.

На дороге в отсвете фар Иван увидел «Волгу», в пятне прожекторов у военных палаток сновали какие-то люди, слышался гул множества голосов. Из «гражданских» палаток выходили ученые и шли на освещенное место, как мошки на огонь.

– Такое дело, господа, – говорил высокий, узкогубый и крупноносый мужчина с непокрытой седой головой. – В районе нет света, линия электропередачи замкнута. Наши специалисты прошли по всей трассе на вертолете – не верилось, что пауки забирают всю энергию, – но обрывов нигде нет, значит, дело в пауках. Нужно принимать срочные меры! Завтра из Москвы прилетит комиссия, а мне дали полномочия решать вопросы на месте любым способом. Если надо очистить ЛЭП от пауков – значит, будем очищать.

Ивашура протиснулся сквозь толпу к говорившему. Все взоры потянулись к нему.

– Потеряем людей, – сказал он тихо.

Губернатор побледнел.

– Почему потеряем? Каким образом?

– Пауки не подпускают нас ближе чем на полкилометра. Стоит подойти – генерируют инфразвук, и человек теряет сознание. Смертельных исходов не было, но мы и не брались за дело всерьез.

При этих словах Костров вдруг почувствовал нарастающую тревогу. Словно зазвенела где-то гигантская струна, грозящая вот-вот оборваться и обрушиться на людей страшный удар, способный взрыть землю на километр вглубь!

По-видимому, многие в толпе почувствовали то же самое, потому что по ней прошло какое-то движение и люди сдвинулись теснее.

Глазунов прислушался к своим ощущениям и вопросительно посмотрел на Ивашуру.

– Именно, – кивнул тот. – Это их реакция на наш разговор. Каким-то невероятным способом пауки слышат даже наши мысли!

– И против этого нет никакой защиты? А если подойти к ним на бронетранспортере?

– Броня не защищает от инфразвука.

– Что же тогда?

– Не знаю.

Губернатор оглядел плотно сдвинувшихся людей. Над толпой всплывали облачка пара от дыхания, температура была близка к нулевой. Костров под его взглядом опустил глаза. Да и что он мог сказать? Он тоже не видел способа избавить лес от непрошенных гостей. И еще мешало ощущение нависшего дамоклова меча – психологическое давление чужеродного, неприятного, холодного присутствия паучьего города.

– Зажечь лес? – пробормотал кто-то из сопровождавших Глазунова.

Не успел он закончить фразу, как в лесу неподалеку от людей прозвучал короткий вопль. Все вздрогнули.

– Слышите? – сказал Ивашура. – Стоит только подумать об их физическом уничтожении, как сразу раздается такой крик. Предостережение это или нет – не знаю, но звучит достаточно впечатляюще.

– Что же делать? – повторил вопрос Глазунов.

– Решайте. Если у вас большие полномочия... Мы, конечно, постараемся выполнить указания, но все же пауков трогать я не стал бы. Пока не научимся защищаться от них.

Губернатор вытер ладонью выступивший на лбу пот. Костров даже пожалел его, он сам испытывал чувство безысходности и злости на чудовищных реликтов, чудом вырвавшихся из тьмы веков в современную эпоху.

– Понимаете, – вмешался в разговор тот человек, который заговорил о поджоге леса, – в районе сто сорок одна больница, госпиталь на триста коек... Без тока нельзя оперировать. Случись несчастье...

– Да, это довод! – глухо сказал Ивашура. – Об этом я не подумал.

– А что, если?.. – начал вдруг неожиданно для себя самого Костров и остановился. Все повернулись к нему.

– Что? – коротко отозвался Ивашура.

Костров оглянулся. Начальник отдела понял.

– Господа, расходитесь по палаткам. Ночью мы все равно не будем ничего предпринимать, отдыхайте. Пошли.

Он взял Кострова за рукав и направился к «Волге».

В машину сели губернатор, Ивашура с Костровым, командир взвода оцепления, подтянутый лейтенант, Гаспарян и еще кто-то в штатском. Ивашура посмотрел на него недовольно, однако Глазунов поспешно представил его: майор госбезопасности Левченко.

Майор скупно улыбнулся, понимая реакцию Ивашуры. Кострову он сразу понравился уверенностью, ненароченным спокойствием, умением держаться.

– Пауки каким-то образом читают наши мысли, так? – начал Костров.

– Некоторым образом.

– Что, если установить с ними контакт?

– Контакт с пауками? – усмехнулся Гаспарян. – Однако, Иван, ты явно начитался...

– Подожди, – с досадой в голосе перебил его Ивашура. – Говори толком, Иван.

– Я и говорю: надо установить с пауками контакт. Приблизиться к просеке насколько можно и представить себе, что нам нужно освободить просеку от паутины... чтобы они догадались и убрались восвояси...

– Чушь! – махнул рукой Глазунов. – По-вашему, выходит, что пауки – мыслящие существа?

– Не мыслящие, может быть, но мысли наши все же воспринимают. Да кто знает, пауки ли? Я хочу сказать, что руководить всем этим – деятельностью пауков, например, – может кто-то другой...

– Мысль не такая уж и вздорная, – высказал свое мнение Левченко. – Думаю, стоит попытаться. Не годится нам пренебрегать даже самым мизерным шансом мирного решения проблемы. Путь военного вмешательства проще, но грубее и необратимее. Давайте конкретно обговорим все детали вашего контакта и приступим к выполнению. Времени у нас действительно в обрез. Как вы думаете приблизиться к их центру? Пешком или на машине?

Ответить Костров не успел.

Внезапно с неба на лес, на машины и палатки обрушился тугой звонкий удар, словно ударная волна давления от сверхзвукового самолета. Раздались крики, из леса прозвучало несколько выстрелов.

Ивашура с лейтенантом одновременно выбросились из машины, Костров выскочил за ними. От военных палаток бежал испуганный помкомвзвода с карабином на изготовку.

– С постов передают: вблизи зоны невозможно находиться, солдаты падают без сознания!
– Инфразвуковое нападение, – бросил сквозь зубы Ивашура и побежал в лес. – За мной, лейтенант! Остальным оставаться на местах.

Ошеломленные люди снова потянулись к прожектору.

Костров чувствовал какое-то томление, ему стало жарко, заломило в висках. Воздух стал ощутимо плотным, пропитался странным напряжением, словно перед грозой. Казалось, над лесом повисла чудовищная жара, готовая в любой миг сорваться и раздавить все живое...

Другие испытывали те же ощущения, что и Иван, разве что реагировали по-разному. Губернатор поднес руку к голове и с силой потер лоб.

– Ну и духота тут у вас!

Костров нашел Гаспаряна.

– По площади бьют?

– Сейчас проверим.

Гаспарян умчался в темноту и скоро вернулся вдвоем с Рузаевым, тащившим тяжелый параллелепипед звукозаписывающего устройства.

– Так и есть, – сказал он через минуту, выключая прибор. – Инфразвуковое излучение, мощность невелика, всего пять децибел.

– Конечно, бьют по площади, а не векторно, – сказал Рузаев.

– Что это значит? – спросил Левченко, обращаясь к Кострову. – Я не специалист...

– Как вы себя чувствуете?

– Н-ну... голова тяжелая... и дышать трудновато. Душно тут у вас в самом деле.

– Все ваши ощущения – результат действия инфразвука. Пауки включают свой генератор инфразвука – как они это делают, я не знаю, – и, будь мощность излучения на порядок выше, нам с вами не поздоровилось бы.

– Пауки излучают инфразвук во все стороны, – добавил Рузаев. – Поэтому и мощность мала.

– Солдаты оцепления стоят к просеке ближе, чем мы. – Гаспарян передал ЗЗУ Рузаеву. – Пройдись с ним по периметру зоны. На них, очевидно, инфразвук действует сильнее. Может, нужна наша помощь?

Никто ему не ответил. Инфразвук продолжал струиться из леса, действуя на людей угнетающе, подавляя волю, вызывая страх и головную боль.

Тая робко тронула Кострова за руку. В расширенных глазах ее бродили отсветы фар, и поэтому казалось, что они живут отдельно, поглощенные созерцанием внутренней боли.

– Скоро это кончится, Иван?

Костров легонько обнял ее за плечи.

Из темноты выступил полуодетый эксперт Валера. По всему было видно, что инфразвука он не чувствует, как и того, что одет он более чем странно: в сапоги на босу ногу и брезентовую куртку на голое тело.

– Хотите гипотезу?

Никто ему не ответил, но Валера это не остановило.

– Вспышка жизни среди древних паукообразных, – продолжал он вполне квалифицированным языком, радуясь, что нашел достойную аудиторию, – это всего-навсего маленький нарыв на теле Земли как планеты. Загрязнение экологической среды перешло в новое качество. Уже не пятна нефти на воде и смог над городом определяют уровень загрязнения, а сдвиги континуума на уровне тонкой структуры. Затронута ядерная основа пространства-времени...

– Ты конкретнее, философ, – перебил его Гаспарян. – И без терминологии, дорогой, а то мы сейчас плохо соображаем.

– Пожалуйста. – Валера заметил жест Кострова и запахнул куртку. – Пауки появились здесь потому, что произошла локальная трансгрессия времени, сдвиг одного из его гниющих

пластов, и образовался временной фурункул. Кстати, этой гипотезой можно объяснить многие явления на Земле.

Костров и остальные эксперты и ученые уже были знакомы с гипотезой Валеры, поэтому никто из них не стал возражать. Глазунов же услышал ее впервые, поэтому и реагировал соответственно:

– Вы-то хоть сами понимаете, что говорите, молодой человек? При чем тут загрязнение среды?

– А я нахожу в его словах долю истины, – проговорил незаметно подошедший Гришин. – Дымящие трубы... сточные воды... вонь и дым, грязь и копоть!.. Термин «загрязнение среды», конечно, сильно избит, но вдруг мы ломаем природу не только на макроуровне, но и на уровне элементарных частиц? Помните у Фрэнсиса Томпсона: «Коснувшись цветка – потревожишь звезду»?

Губернатор дернул плечом. Было видно, что держится он с трудом – то ли из-за нервного перенапряжения, то ли его организм реагировал на инфразвук особенно сильно...

– Стоит ли говорить об этом сейчас? По-моему, у вас другие проблемы.

– Стоит, – вмешалась вдруг Тая, заставив Кострова вздрогнуть. – Еще как стоит! Об охране природы уже анекдоты ходят, не слышали?

– Общество охраны природы от окружающей среды, – тихонько подсказал Рузаев.

– Вот, пожалуйста! Вы же умные люди, оглянитесь! Биосферу Земли стремительно заполняет растущий поток химикатов, многие из них губительны для жизни: отходы промышленности, выхлопные газы автотранспорта, ядохимикаты, применяемые в сельском хозяйстве, несбалансированные химические удобрения и тому подобные «побочные явления прогресса»! Кроме того, бесконтрольная вырубка леса как за рубежом, так и у нас, выработки полезных ископаемых, заиливание рек, атоллы, превращенные в свалки мусора, льды, черные от нефти и мазута! И все это разрушает циклы, тысячелетиями сложившиеся в биосфере! Какие нужны силы, чтобы справиться с этим тихим и самым ужасным преступлением человека против самого себя?! А вы говорите: не стоит об этом сейчас! А когда стоит? А если этот юноша прав?..

– Так его! – крикнул Левченко. – Однако сильные вы приводите аргументы! По специальности, наверное, журналист?

– Да, – смутилась Тая и спряталась за спину Кострова.

– Критиковать мы все умеем, – усмехнулся, морщась, Глазунов. – Как до дела... Э-э, что говорить! Послушайте, это безобразие с инфразвуком вашим долго будет продолжаться?

– Неизвестно, – сказал Гаспарян. – Кстати, всем, кто плохо себя чувствует, самое разумное – уйти из зоны излучения на некоторое время. Мощность инфразвука с расстоянием убывает слабо, но все же...

Люди зашевелились.

– Оденьтесь и пройдите к городу по дороге. Думаю, уже через двести-триста метров всем станет лучше.

Большинство присутствующих разбрелись по палаткам и, одевшись потеплее, потянулись к дороге, подсвечивая путь фонарями. У машин остались только эксперты, приехавшее из города начальство, начальник смены подстанции Матвеев и Тая.

Шел уже пятый час утра, небо потеряло монолитную мрачную плотность, стало сероватым, мгlistым, начал накрапывать мелкий дождик. Сияние над лесом поблекло, словно втянулось под землю. Поднявшийся ветер играл лапами плащей и задувал брызги в лицо.

Костров с Гаспаряном решили было пойти к постам оцепления на поиски Ивашуры, но тут он сам появился.

– Плохо дело, – выдохнул он, откидывая капюшон плащ-накидки и вытирая разгоряченное лицо мокрой ладонью. – Кто-то из солдат спровоцировал нападение пауков.

– Рядовой Шинкаренко, – подтвердил лейтенант, переводя дыхание. – Он же и стрелял.

– Подробнее, пожалуйста, – попросил Глазунов.

– Рядовой Шинкаренко раздобыл где-то флягу с бензином, по договоренности с напарником ушел с поста, перелез через проволоку ограждения и направился к просеке. Хотел, по словам напарника, поджечь лес... Оружие его мы нашли, но дальше идти невозможно – слишком велика мощность инфразвука.

– Он что, действительно пытался поджечь лес?

– Пытался, там и спички рядом с карабином... Да что в такую погоду гореть может? Ума не приложу, зачем это ему понадобилось!

– Новичок, – извиняющимся тоном сказал лейтенант. – Ну, пусть только вернется, влеплю по всей строгости!

– Надо, чтобы еще вернулся, – серьезно сказал Левченко. – Вы говорите, глубже в лес не пройти? – повернулся он к Ивашуре.

– Я пробовал, – кивнул тот, – чуть не свалился.

– Может быть, еще разок рискнуть?

– Рискнуть можно, да что это даст?

– Ну, попытка – не пытка, а человека спасать надо. Пошли, лейтенант, где там твои подчиненные?

Левченко с лейтенантом исчезли в лесу. Поколебавшись, за ними ушел Рузаев.

Костров заметил вопрошающий, умоляющий и укоряющий взгляд Таи, открыл рот, собираясь предупредить, что и он уходит на поиски пропавшего солдата, и в это время взгляд его упал на округлую тушу вертолета за дорогой.

Глава 11

Конечно, он не собирался брать с собой девушку, когда ему в голову пришла идея слетать на поиски солдата на вертолете. Однако действовать надо было быстро, никого из мужчин поблизости не оказалось, а Тая соображала не хуже любого из них.

– Я с тобой!

– Нет!

– Ты один не справишься.

Иван замедлил шаги.

– А если убьемся?

– Ты же бывший десантник.

Костров улыбнулся наивной вере Таисии в его способности, но вертолеты пилотировать ему и в самом деле приходилось в свое время, и решение созрело само собой.

Он уже включил электропанель, щелкая тумблерами запуска и проверки, когда в свете включенного носового прожектора появилась смазанная серая тень. В голове дзинькнул звончок тревоги, моментально включивший состояние повышенной боевой готовности. Оружия у Ивана никакого с собой не было, но правая рука сама собой нащупала в кармане сиденья отличный тесак пилота, в то время как левая продолжала поворачивать тумблеры, нажимать клавиши и кнопки.

Рывком открылась дверца кабины, и в нее заглянул знакомый «десантник», вернее, его голова; тело парня казалось кисейно-прозрачным и почти пропадало на фоне леса.

– Вылезай!

Иван чуть ли не физически ощутил, как в голову ему вонзается разряд странного пистолета, точно такого же, какой удалось отобрать у незнакомца раньше, и точным движением метнул тесак из-под локтя левой руки в лицо усатого.

У «десантника» была великолепная реакция, он попытался уйти от броска, но расстояние оказалось слишком мало, и нож вонзился ему в щеку, распорол ее до виска, вырвал кусок мяса и кожи. Послышался вскрик, парень исчез. В то же мгновение двигатель вертолета взвыл, винты набрали обороты, Иван потянул штурвал на себя, и вертолет прыгнул в небо. Мелькнули и ушли вниз мокрые стволы сосен, поляна с палатками закружилась каруселью и скрылась из глаз.

Костров ожидал выстрела, ручья огня, но его не было. «Десантник» исчез, будто его и не было, ошеломленный действиями пилота, от которого он явно не ожидал особой прыти.

– Кто это был? – спросила Тая, глаза которой стали огромными и тревожными. – Что ему было нужно?

– Ему был нужен вертолет, – буркнул Иван, вдруг сообразив, что «десантнику», видимо, действительно понадобился вертолет, а не он сам. – Держись, смотри вниз.

Посветлело настолько, что лесная «шкура» стала отличима от неба, хотя видимость из-за дождя не превышала сотни метров. Вертолет, кренясь, летел к просеке в десятке метров от верхушек деревьев.

Кострову показалось, что стало трудней дышать, сердце заработало тяжело, с перебоями, на глаза набежали слезы... «Терпи! – приказал он себе, стискивая кулаки. – Поздно отступить! Да и не простишь ты себе этого никогда! Терпи, эксперт!»

Он мотнул головой, тяжелой, будто налитой ртутью. Говорить не мог, язык жег гортань, как раскаленный кусок железа. Заныл позвоночник, волна боли прошла по суставам...

– Ах, черт! – воскликнул Костров.

Вертолет подскочил вверх, как поплавок из воды. Стало чуть легче.

– Ниже не опуститься. Тайна! Придется возвращаться.

– Где мы? Я что-то потеряла ориентацию...

– Над проволокой, под нами пост оцепления, кто-то машет руками... Видишь?

Тая с трудом обнаружила провал в лесу и увидела троих, волокущих что-то по траве. Четвертый махал руками: возвращайтесь!

– Левченко! – узнал Костров. – Молодец майор, опередил нас. Они, кажется, вытащили парня без нашей помощи.

Вертолет поднялся выше, боль в голове отступила. Костров почувствовал блаженное облегчение, вздохнул всей грудью. И вспомнил свою речь о контакте.

– Ну что, не боязно? – спросил он девушку. – Рискнем еще разок? Вдруг получится?

– Рискнем! – отчаянно кивнула Тая. – А как?

Костров засмеялся.

– Я и сам не знаю. Подлетим к их куполу и попробуем мысленно предложить им дружбу.

Вертолет набрал полтора метра высоты и медленно, словно крадучись, подобрался к заселенной пауками просеке.

Сквозь пелену дождя открылось странное зрелище: кипенно-белое облако в форме конуса придавило лес, возвышаясь над опорами линии электропередачи на добрый десяток метров. Диаметр облака достигал трех километров, края его постепенно редели, растворялись в лесу, смешиваясь с кустами и деревьями. Над конусом всплывал пар, столбом поднимался струящийся от жары воздух. Было в этом зрелище что-то нереальное, чуждое восприятию; человек двадцатого века не встречал еще на Земле ничего подобного. Гармония паутинного конуса потрясала, притягивала и отвращала одновременно. Присутствовал в ней нечеловеческий, чужой и холодный элемент, чужой и холодный расчет. И мороз пошел по коже, когда Костров вспомнил, что творцы конуса – пауки.

– Начали? Думай о пауках, предлагай им, фигурально выражаясь, руку дружбы, а главное – пусть очистят доступ к ЛЭП! Держись!

Вертолет плавно пошел вниз.

Навалилась душная, жаркая тишина, снова боль толчками отозвалась в позвоночнике, в грудной клетке. Костров закрыл глаза и застыл, вцепившись руками в полукольцо штурвала.

Сквозь сомкнутые веки мелькнула бесшумная белая вспышка, потом еще и еще. Проговорила что-то Тая. И вдруг перед глазами Ивана появилось видение: бесконечный лес и белое поле паутины на нем. Оно растет, растет, поглощая лес, пока не останется ничего, кроме искрящегося паутинного покрывала...

– Нет! – крикнул Костров, а может, хотел крикнуть. Он представил себе, как у паутины встречаются человек и паук, но, кроме протянутой руки для дружественного «рукопожатия», выдумать ничего не смог.

В ответ в голове взорвалась бомба недоумения, словно по обнаженному нерву, управляющему приемом сигналов эмоционального состояния собеседника, ударили топором...

Обливаясь потом, Костров упрямо продолжал опускаться к паутинному конусу, попытался представить рядом человеческий город и паутинный, расположил вблизи от них теплоэлектростанцию. Люди протянули от электростанции к паукам линию электропередачи, построили канал и пустили воду. Костров подождал, сосредоточиваясь и прислушиваясь к своим ощущениям, – грозный звон недоумения и угрозы слегка стих. Тогда Иван быстро «нарисовал» человека, входящего в паутину паучьего конуса, перечеркнул его, потом то же самое проделал с пауком, подползающим к городу...

Ничего не произошло...

Костров открыл глаза, посмотрел на Таю, и в следующее мгновение накатила волна жуткой, холодной, нечеловеческой тоски и угрозы... Все померкло перед глазами...

«Не поняли! – подумал Костров, на мгновение теряя сознание и тут же выныривая из омета тьмы. – Не поняли! Назад!»

Но назад он не успел...

Ивашура, запыхавшись, выбежал на поляну и быстро оглядел оставшихся.

– Кто полетел?!

– Костров, – тихо ответил Гаспарян.

– Один?

– С журналисткой... Я не успел на минуту...

– Ч-черт! – Ивашура стукнул кулаком о кулак. – Надо было мне с ним лететь...

Из-за деревьев вертолета не было видно, но доносился то нарастающий, то удаляющийся рокот моторов.

Несколько минут прошло в молчании. Потом двигатель вертолета взревел как-то необычно и стих. И тотчас же над лесом в стороне болота встал в полной тишине столб бледного золотого сияния. Вокруг него закружились облака, заиграли сотни крохотных радуг. Потом – люди зажмурились – невероятный золотой водопад огненных стрел хлынул с небес на землю, раздалось громкое ядовитое шипение, пахнуло горячим ветром, озоном...

Сияние над лесом сдвинулось в фиолетовый диапазон. Струна, державшая всех в напряжении, зазвенела сильней, так что все перестали слышать обычные звуки: скрип стволов деревьев, хлопанье брезента палаток, шорохи и журчание воды.

– Что же это? – сказал Гаспарян. – Игорь, что это?

– Всем уходить! – опомнился Ивашура, оглянулся, ища кого-то глазами. – Лейтенант, командуй: всем быстро уходить отсюда к городу, солдатам тоже! Быстро, быстро! Давай команду своим. Чего стоите? – повернулся он к остальным. И было в его голосе что-то такое, от чего все безмолвно кинулись к дороге: Матвеев, Глазунов, шофер, солдаты...

Гаспарян бросился было за ними, но остановился, увидев, что Ивашура что-то ищет у палатки с аппаратурой.

– Игорь, а ты?

Ивашура вырвал из рюкзака кинокамеру, накинул ремень на шею и снова наклонился над рюкзаками.

– Погоди-ка, Сурен.

Гаспарян подскочил к начальнику отдела, тот протянул ему фонарь и ружье.

– Держи. Зови Михаила, пойдем искать Ивана. Кажется, они с Таей упали...

– Миша! – крикнул Гаспарян, и словно в ответ на его крик под ними вдруг загремело, зарычало, земля ударила в ноги, встала дыбом... Людей отбросило к дороге на несколько метров. А в стороне болота показалась над лесом какая-то темная громада, окутанная сеткой молний, стала расти в высоту, пока не достигла низкой пелены туч. Земля снова содрогнулась, низкое рычание вырвалось из ее недр, звук становился все громче, нестерпимее. Тон его повышался, пока не превратился в свист и не ушел в ультразвук. И тогда те, кто еще не потерял сознания от звукового шторма, слышали не то плач, не то скулящий вой, полный ужаса, тоски и безнадежности, – кричали гибнущие пауки...

Часть II ОДНИ МЫ...

Глава 1

Сначала пришла боль: кололо в боку, болела голова, ныло правое бедро. Потом пришел звук – тоненький всхлип, повторяющийся каждые полминуты. Но свет не приходил, хотя Иван уже разлепил глаза и таращился во тьму изо всех сил. От напряжения глаза заломило, в них поплыли огненные колеса и светящиеся узоры – иллюзия света.

«Где это я? – вяло подумал он и пошевелил рукой перед глазами, пытаясь разогнать темноту. – Уж не ослеп ли, чего доброго?»

Потрогал веки – целы, но тьма не рассеивалась. Попробовал сесть, и боль сразу накинута на все тело. Иван охнул, тихо выругался, но все же заставил себя приподняться.

«Вертолет, – пришла догадка, – вертолет разбился, но я остался жив. А Тая?!»

Чувствуя себя так, словно в теле рвались сухожилия, Иван с натугой встал.

– Тая!

Гулкое эхо, словно в сыром склепе.

– Таисия! Где ты?

Всхлипы и тишина. И темнота.

«Никого... Где же я, черт возьми?! В лесу, что ли? Ночью? Не похоже...» Иван сделал шаг. Загремело, будто по каменному полу покатались стеклянные банки.

«Нет, это не лес... Фонарь бы сюда...»

Морщась, потрогал бедро и бок, но на ощупь определить что-то было невозможно, хотя на боку, кажется, вспух здоровенный синяк. Немудрено – сверзиться на вертолете со стометровой высоты!.. Как еще жив-то остался! Но где же все-таки Тая?

– Таисия! – позвал он еще раз. Как в вату. Потоптался на месте, прислушался к хрусту под ногами и равномерному всхлипыванию – шагах в десяти, если судить по громкости звука. Похлопал себя по карманам. Спички! Достал коробок, гадая, как он к нему попал, вспомнил – разжигал костер сутки назад. Сутки ли?

Чиркнул спичкой, язычок пламени раздвинул мрак на несколько шагов. Не ослеп, слава богу! Под ногами белесые бугры, хрупкие, как высохшая молочная пленка. Это от них такой хруст. Паутина... Паутина?! Точно, вот и характерный узор...

Спичка погасла. Иван вынул другую и остановился. Не спеши, эксперт, экономить надобно. Неизвестно, отыщется ли здесь еще коробок... Подумал, проверил карманы более тщательно. В куртке оказались расческа, ручка, носовой платок, записная книжка и конфета, в брюках – нож с выскакивающим лезвием и клочок не то от газеты, не то от тетрадного листа. Годится. Свернул в трубочку и поджег.

Колодец! Вернее, что-то вроде круглого колодца диаметром около четырех метров. Стены в густой массе склеившейся и засохшей паутины, пол покрыт слоем той же паутины и сверху другим слоем – белых, как фарфор, полых трубок. Потолка не видать – высоко, выхода тоже не заметно.

Клочок газеты догорел.

«Что еще зажечь? Записную книжку жалко, но выхода, кажется, нет. Выхода... Погоди жечь спички, выход можно поискать в темноте».

Он обошел колодец кругом, спотыкаясь о стеклянно звенящие трубки и пробуя стены. «Глухо! Настоящий колодец! Хорошо, что сухой. Неужели его сделали пауки в просеке, а я в него провалился?.. Но почему не видно неба? Тучи?»

Иван зажег свернутый в трубку листок из записной книжки и торопливо осмотрел бок и бедро. Так и есть: на боку громадный кровоподтек до ребер, на бедре ссадина. Черт с ними, заживут! Выбраться бы отсюда...

Попробовал добраться до стенки колодца сквозь шелушащийся слой паутины. Похоже, камень... или бетон. Как же выбраться? Рубить в бетоне ступеньки? Абсурд!

Иван отодвинул несколько «фарфоровых» трубок и сел, прислонившись к стенке колодца. Задумался, вспоминая последние минуты полета с Таей, но как он здесь оказался, вспомнить не мог. Ясно одно: контакта с пауками не получилось, гипотеза об их разумности не выдержала проверки делом... Иван нащупал в кармане конфету, подумал и съел. «Теперь попить бы не мешало... Пауков попросить, что ли, чтобы воды принесли?..»

В этот миг где-то рядом раздался крик, знакомый крик паука.

Он начался с жалобного завывания, поднялся на тон выше, превратился в визг и закончился хохотом гиены!.. Иван вскочил, забыв про боль в теле, приник к стене, а та почему-то вдруг поехала от него, потом с размаху ударила в лицо, затрясся пол, откуда-то из темных таинственных глубин под колодцем донесся удаляющийся гул.

«Землетрясение, – подумал Иван, вжимаясь в пол всем телом. – Задавит, как червяка, в этом склепе!»

Гул стих, еще раз дернулся пол, и в колодец вернулась тишина.

Костров полежал еще несколько минут, прислушиваясь к тишине. Соленая капля сползла на губы. Он лизнул – кровь...

– Ну вот, – сказал он вслух, сядя спиной к стене и задирая голову. – Теперь и нос разбил...

Посидел в такой позе, дожидаясь, пока остановится кровотечение. Звон в голове утих, и стал слышен знакомый тихий всхлип. Теперь Иван понял, что всхлип этот идет откуда-то из-за стены, как и крик паука только что... Значит, колодец имеет выход... или вход. Но где?

Иван повертел головой, и ему показалось, что он видит какой-то серый прямоугольник на уровне головы. Свет?!

– Да будет свет, сказал кандидат наук... – пробормотал он и встал. Руки нащупали край отверстия, полускрытого пластинами паутины.

Свет – если только можно так назвать едва видимое свечение – шел оттуда. Очевидно, землетрясение приоткрыло дверь или окно либо разрушило кладку стены. Однако уходить не хотелось. В колодце было сухо, тепло, безопасно...

«Что это я? – сказал он сам себе. – Неужели труса праздную? Вперед, эксперт! Не хватало, чтобы этот колодец стал твоей комфортабельной могилой!..»

Преодолевая боль, Иван подтянулся на руках, лег грудью на ровный край окна и кое-как протиснулся в щель, образованную наклонившейся плитой. Дальше шел коридорчик, узкий, как крысиная нора, но короткий. Иван осторожно высунул голову. То ли глаза его окончательно адаптировались к темноте, то ли здесь было светлее, чем в колодце, во всяком случае, он почти разглядел большой и очень высокий – потолка не видно – зал. Определенной формы зал не имел, стены его то смыкались друг с другом под тупым углом, то шли уступами, переходили в гнутые поверхности и плоскости с рядами ниш. Дальний конец зала терялся во мраке, а слева Иван углядел звездообразный пролом или проход, более светлый, чем остальные предметы. Именно через этот проход и сочился сероватый рассеянный свет.

По залу были раскиданы какие-то предметы, кучи мусора или песка – не разобрать, холмы все той же засохшей паутины, а в центре лежала округлая туша с четырьмя свисающими лапами. Иван невольно схватился за нож и сплюнул:

– Тьфу, нечистая сила!

Это был вертолет, вернее, его разрубленный пополам остов с лопастями винтов.

«Ну и абракадабра! Вертолет в зале, я сам в колодце... Чушь какая-то! Где лес, где паучья зона? Где люди, Тая? Гаспарян с Ивашурой?..»

Иван прислушался: тишина. Лишь таинственный всхлип доносился из пролома-прохода. Может, выход именно там, где свет?

Костров хотел вылезти из своего коридорчика в зал и вспомнил изречение Козьмы Прутова: «Попав в незнакомое место – осмотришься». Последуем совету мудреца. Иван осмотрелся и увидел, как в одной из черных ниш зажглись на мгновение и тут же погасли круглые желтые глаза! Мороз всершавил спину. Млея, Иван вжался в пористую неподатливость своей ниши и пожалел, что, кроме ножа, у него нет никакого оружия.

Сколько пролежал в таком положении, он не помнил. Глаза больше не показывались, все было тихо, вернулось чувство одиночества. Набравшись сил, он тихонько сполз на пол, сжимая в потном кулаке рукоятку ножа. Осмелев, сделал шаг к вертолету. Никого... Тогда он зашагал, нарочно поднимая шум, пиная попадавшие под ноги предметы и гулко топая по черному полу. Ответом было только отрывистое множественное эхо. То ли хозяева глаз – пауки? – убрались отсюда, то ли вообще глаза померещились Ивану.

Он на ощупь нашел дверцу кабины вертолета, дернул на себя – безрезультатно.

– Заклинило, наверное. В таком случае зайдем с другой стороны...

Он не заметил, как заговорил вслух.

Дверца с другой стороны была придавлена, зато отсутствовало лобовое стекло кабины. Прекрасно, теперь можно поискать, что там есть внутри...

Порезав палец, он понял, что без света найти что-нибудь полезное будет трудно. Пришлось снова жечь листок записной книжки.

Кабина оказалась покореженной и забитой осколками оргстекла и пластмассы, деревянной щепой, трубками и железными гнутыми листами. «Неужели ничего, что могло бы пригодиться? Стоп! А это что такое? Это же ящик пилота, выпавший из-под пульта. Что там? Ага, великолепно! Резиновые перчатки, аптечка, пассатижи с отверткой и фонарь!»

Иван жадно схватил фонарь, включил. Яркий сноп света больно резанул по глазам. «Потише, счастливчик, так и ослепнуть недолго! Надо привыкнуть к свету. Но какая удача!»

Порывшись в рассеченной надвое кабине еще полчаса и ничего больше не обнаружив, Иван рассовал «сокровища» по карманам и отошел от останков вертолета. Теперь он чувствовал себя увереннее, в нем проснулся азарт охотника за неведомым, и лишь мысль о Тае мешала радоваться тому, что он жив.

Луч света выхватил из тьмы блестящий черный пол зала, кучи какого-то тряпья, непонятные предметы, похожие на помятые жестяные бочки, железные ящики, банки, цилиндры из белого материала, штабеля блестящих, как ртуть, стержней. Иван похмыкал, пнул ногой серую банку, словно налитую свинцом, потрогал один из блестящих стержней длиной в метр и толщиной в палец, взвесил в руке. Килограммов пять? Явно не из металла, но в качестве дубинки сгодится. Заметил на торце стержня выбитые буквы МК, под ними в ряд цифры 2301... Пожал плечами: кто знает, что за штука? Еще раз огляделся.

Стены зала тоже странные, черные, с красным отливом и все в белых пятнах паутины, а потолок... Иван поднял луч фонаря вверх и присвистнул. Потолка не было! Вместо него на высоте примерно в тридцать-сорок метров клубилась буро-сизая дымная пелена, похожая на дождевое облако.

«Итак, эксперт, соображения по данному поводу? – задал сам себе вопрос Иван. – Соображений нет. Ну а поскольку бесплодное ломание головы только увеличивает шанс умопомешательства, то необходимо что? Правильно, переменить обстановку!»

И зашагал к рваному пролому в стене, откуда в зал просачивались непонятные звуки и слабый сумеречный свет.

Он оказался в длинном помещении с тремя рядами пультов. Как и в оставшемся позади зале, здесь тоже царили запустение и разруха. Изящные, красивые, необычных форм пульты были разбиты вдребезги, на полу валялись горы битой пластмассы и белого стекла, футляры каких-то приборов, знакомые белые и голубые цилиндры и припорошенные пылью метровые пирамиды, серые и монолитные, как бетонные блоки для строительства плотин на реках. Правда, в отличие от зала, потолок здесь был низкий, черный, словно закопченный пожаром. В одной из стен – ряд дверей, противоположная стена целиком из мутного серого стекла.

Иван выключил фонарь, минут десять привыкал к темноте и убедился, что слабый свет сочился именно из-за этой стены. Побродив по гулкому, как подвал, помещению, он потолкался у дверей без ручек, но ни одну из них открыть не смог.

«Может, вернуться и поискать другой выход?» – подумал он. Но идти обратно в мрачный зал с останками вертолета не хотелось. Зато хотелось пить. Интересно, как долго он валялся без памяти в колодце? И что это за странное помещение? Почему он оказался внутри да еще вместе с вертолетом?..

Отвечать было некому. Иван вздохнул, присел на какой-то ящик и снова выключил фонарь. Следовало экономить ресурс батарей. Поразмышляв еще некоторое время, пока глаза привыкали к темноте, он понял: пора что-то делать. Безысходность тайны требовала какого-то активного действия, а не мысленного усилия. Отвлечшись, он забыл о странных звуках, но, сидя в неподвижности и тишине, снова услышал тихие равномерные всхлипы. Тогда он начал искать направление, по которому звуки слышались отчетливей всего, и нашел – внизу у стеклянной стены. Оказалось, что между стеной и полом есть щель, в которую он мог всунуть взятый стержень.

Иван осторожно просунул его в щель, нажал и тут же отскочил.

Что-то щелкнуло, и стена стала крениться в его сторону, пока не повернулась на невидимых осях горизонтально. За стеной открылся серый пыльный коридор, пустой и длинный, уходящий в абсолютный мрак. Иван, подивившись простоте выхода и собственному везению, перебежал в коридор, но стена так и осталась висеть параллельно полу, удерживаемая неведомой силой.

Иван поискал глазами источник света: это был прямоугольный пролом в стене коридора на высоте полутора метров. Иван заглянул в пролом и увидел еще одну комнату, с потолка которой свисала густая бахрома паутины. По всей видимости, и эта комната не заканчивала здания, в котором очутился Иван, потому что и здесь источником света была лишь трещина в стене. Всхлипы в коридоре слышались явственней, но определить, откуда они доносятся, было невозможно. К этим звукам прибавился еще один – еле слышное хриплое дыхание. Иван несколько минут прислушивался к звукам, склонив голову к плечу, не нашел в них ничего угрожающего, но машинально взвесил в руке дубинку. Приключение затягивалось, и пришла уверенность – впереди еще много сюрпризов и открытий. Во всяком случае, Иван точно знал, что это не сон.

Поколебавшись, в каком направлении идти, он выбрал путь к свету – в коридор можно было вернуться в любой момент. Иван влез в пролом, покачал головой. Стена была толщиной в метр. Интересно, чем можно пробить в ней аккуратную двухметровую дырку? И в это время где-то зловеще закричал паук – длинный, с завываниями крик, закончившийся визгливым лаем! От неожиданности Иван дернулся вперед и вывалился с другой стороны стены на что-то живое и мягкое. Новый крик, человеческий!

Чьи-то кулаки ударили Ивана в грудь, забарабанили по лицу!

Он поймал эти кулаки, рявкнул:

– Отставить! С ума сошел?!

Человек перестал кричать и вдруг заплакал. Женщина?!

– Вы?.. Вы?.. Я думала... Кто вы?

Иван встал, нашел выпавший фонарь и зажег свет. Перед ним сидела, скорчившись, вжимаясь в стену... Тая! По ее перемазанному сажей и пылью лицу текли слезы, оставляя светлые дорожки.

– Тая?!

Девушка перестала плакать, подняла голову. Иван поспешно отвел луч фонаря в сторону, потом направил вверх.

– Ив... Ив-ван? – заикаясь, недоверчиво спросила она. – Ты жив? О господи! – И бросилась к нему на шею, целуя, плача, приговаривая: – Ванечка! Хороший мой!.. Живой!.. Ванечка...

Успокоилась она, только когда поблизости снова заорал паук. После крика из неведомых глубин здания донесся гул, вздрогнули стены, задрожал пол...

Они стояли, обнявшись, еще несколько минут, ожидая удара или грохота падающих стен. Потом Тая опомнилась и высвободилась, а Иван, спохватившись, выключил свет. Они сели, и девушка поведала ему свою короткую одиссею.

Очнулась она, как и Костров, в полной темноте, неподалеку от вертолета. Долго сидела неподвижно, потом решила обследовать комнату, но не закончила, потому что закричал паук...

– С тех пор и сижу здесь, – закончила она с дрожью в голосе и как бы случайно дотронулась до руки Ивана. – Как ты думаешь, где мы?

– Не знаю, – вздохнул Костров. – Я видел больше, но знаю столько же, сколько и ты. Где, ты говоришь, оставила вертолет?

– Там... – Тая взяла руку Ивана и указала направление. – У стены.

– Где?! – удивился Иван. – Вертолет здесь, в этой комнате?

– Ну да, почему ты удивляешься?

– Потому что я оставил его в большом зале.

Иван встал, включил фонарь и увидел у стены смятый корпус вертолета. Подойдя ближе, потрогал металлический корпус ротора, отдернул руку. Чепуха какая-то! Он точно помнил, где остался лежать вертолет, – в зале без потолка.

Иван молча передал фонарь подошедшей девушке и попытался открыть дверцу кабины – вертолет стоял на носу. Это удалось ему с третьей попытки, и, порывшись в кабине, он вытащил еще один ящичек из НЗ пилотов. Разложив на ящике те же предметы, что и полтора часа назад, он тупо уставился на них.

– Что с тобой? – тихо спросила Тая.

Иван молча достал из кармана отвертку, пассатижи, перчатки и аптечку и положил рядом с кучей таких же вещей.

– Понимаешь?

Тая отрицательно покачала головой.

– Я тоже. Получается, что было два вертолета! Откуда взялся второй, если мы летели вместе в одном?

Помолчали. Где-то далеко кто-то всхлипывал и хрипло дышал – доносились звуки, уже привычные и ускользающие от сознания. Накатило и отхлынуло чувство одиночества, заброшенности в глубинах чудовищного подземного города... Рядом стояла Тая и ждала его решения.

– Ладно, пригодится, – сказал Иван. – Потом разберемся. Возьми фонарь и аптечку, остальное мне. Ну что, пошли?

– А куда? – понизила голос Тая.

– К свету, – решительно сказал Иван. – Нет беды, у которой не было бы конца. Не бесконечен же этот пещерный город?

Глава 2

Через полчаса они выбрались во второй коридор, уходящий, казалось, в бесконечность что направо, что налево. Этот коридор освещался слабым мертвенно-синим светом: светились надписи на некоторых дверях. Они ровным рядом прорезали одну из стен коридора. По толстому ковру пыли Иван подошел к ближайшей двери и с недоумением уставился на светящуюся надпись.

Шрифт был какой-то странный – легкий, стремительный и красивый, и от этого русские буквы казались чужими. Впрочем, некоторые буквы и в самом деле мало напоминали буквы русского алфавита.

«Стой! – вещала надпись. – Входить без ТФЗ запрещено! Сброс координат!»

Буква «Щ» написана как латинская «W».

Иван осмотрел другие двери. Надписи на них были такими же или еще лаконичней: «Опасно! Не входить!», «Стой! Не входить!» и просто «Не входить!».

Иван оглянулся на Таю и встретил ее недоумевающий взгляд. «Черт возьми, где мы? – с оторопью подумал он. – Что это за здание? Старый заброшенный завод по переработке чего-нибудь радиоактивного? Чушь. Такие заводы не бросают... Тогда что же? Подземные выработки? И что делать дальше?»

– Пойдем по коридору, – сказал он хрипло и откашлялся. – Куда-нибудь да придем.

Но прежде чем выступить в поход, они привели себя в порядок. У Ивана это заняло минуту, у Таи – пятнадцать. Одета она была по-походному: сапожки, джинсы и джемпер под зеленой штормовкой. Иван был экипирован примерно так же.

Коридор был широкий, как улица, и высокий. В стену слева равномерно через каждые тридцать шагов врезались громадные черные двери с одинаковыми металлическими полосами по центру, с надписями и без них. Стена справа была серая и шершавая, вероятно бетонная, потолок блестел как стекло, в нем карикатурно отражались их фигуры. Пол коридора был покрыт слоем пыли толщиной в палец. И лишь спустя час Иван обратил внимание на следы на этой пыли. Кто-то проходил здесь, большой и грузный, в ботинках пятидесятого размера с рубчатой подошвой, но с тех пор прошло уже порядочно времени – следы были припорошены пылью.

Иван невольно перехватил в руке свой «лом» и посветил вперед. Коридор равнодушно уходил вдаль, сходясь где-то в километре от них в точку.

– Мы отмахали уже километра четыре, – сказал Иван. – И конца этому не видно. Это, вероятно, штрек какой-то шахты. Будь мы в здании, мы бы давно вышли на волю.

– Может, нужно идти в другую сторону? – предложила Тая. Она уже обрела былую свою уверенность, и между ними снова установилось расстояние «приличного тона и благовоспитанности». Иван вспомнил объятие девушки, нежное тепло ее губ на щеке и вздохнул.

– Нет, пойдем вперед, – сказал он. – Возвратиться мы всегда успеем, а заблудиться здесь негде.

Снова потянулись минуты, скучный пыльный пол под ногами, однообразный ряд дверей. Прошел час, второй, в начале третьего Иван решил сделать привал и тут заметил, что следы, по которым они шли, повернули к одной из дверей, исчезли за ней. Тот, кто проходил по коридору задолго до них, вошел в дверь. Надписи на этой двери не было.

– Так. – Иван смахнул пыль с пола у бетонной стены и сел, хлопнув ладонью рядом. – Располагайся, перекурим.

Тая села, со вздохом прислонилась к стене. Улыбнулась в ответ на его понимающую улыбку.

– Устала чуть-чуть.

Он придвинулся к ней ближе, осторожно обнял за плечи и привлек к себе. Девушка положила ему голову на плечо, и они замолчали.

Иван закрыл глаза, вспоминая подробности своего пробуждения.

Обычная, нормальная человеческая логика во всем этом отсутствовала. Объяснений, как они с Тасей оказались внутри таинственного здания или подземелья, также не отыскивалось. В том, что этого здания в Брянском лесу не было и не могло быть, Иван не сомневался, а вот насчет подземелья следовало подумать. Ведь построили же пауки шатер высотой в полсотни метров! Может быть, и подземный город они вырыли! Вертолет упал и провалился под землю...

Иван усмехнулся. Мозг искал самые простые пути решения, самые привычные. Но ведь вертолетов было два! Откуда взялся второй? И эти многокилометровые коридоры... Не могли пауки проделать под землей штреки такой длины за две недели! Да еще и заполнить комнаты подземелья битым оборудованием непонятного назначения. Не могли!

Тишина стала угнетать. Стихли тонкие всхлипы и дыхание. Тишина стояла напряженная, сулящая новые каверзы. От нее звенело в ушах, и хотелось разбить ее криком.

– Двинулись? – шепнул Иван на ухо Тае.

Девушка послушно встала.

– Пошли, а то что-то не по себе... Снова в том же направлении?

Иван кивнул и подошел к двери, у которой кончались следы размером чуть ли не в полметра каждый. Попробовал толкнуть дверь – безрезультатно. Ручек не было, и потянуть на себя было не за что. Иван потрогал металлическую полоску, потом снова налег на дверь изо всех сил. Внезапно что-то тоненько свистнуло, и дверь медленно втянулась в металлическую полоску, которая тут же исчезла, будто растаяла в воздухе.

Иван отступил на шаг, но ничего не случилось. За дверью стыл абсолютный мрак, такой густой, что казалось, его можно черпать горстями. Иван включил фонарь, направил его луч внутрь и изумленно прищелкнул языком. Луч света бесследно терялся в черноте за дверью, словно это черное нечто поглощало его полностью, не рассеивая и не отражая.

– Яма? – спросила Тая, подходя сзади.

– Не похоже. Ни пола не видно, ничего... Видишь, даже луч не виден! Чертовщина какая-то!

Иван постоял, поворачивая фонарь во все стороны, но луч света освещал все в коридоре и ничего – за дверью.

– На, брось. – Тая протянула Ивану ключ. – От квартиры, у меня остался запасной.

Иван взвесил ключ в руке и бросил в темноту, как в воду. Томительная секунда, другая, и вдруг – удар! Стены и пол коридора дрогнули, по потолку промчался стремительный ручей голубого света, где-то раздался знакомый паучий вопль, снова удар, за ним – тяжелый гул, сотрясающий все здание...

Иван толкнул Таю на пол, упал рядом и прижал девушку к себе.

Гул стих. Еще раз по потолку коридора пронесся ручей света. Вернулись тишина и неподвижность.

– Все-таки мы, похоже, под землей, – спустя несколько минут сказал Иван, поднимая голову. – В каком-то подземном лабиринте, в сейсмически активной зоне. Похоже на землетрясение...

Тая тихонько засмеялась и села, отряхивая пыль с куртки.

– А я думала, что это из-за ключа.

Иван тоже засмеялся, глянул на дверь и осекся. Дверь была закрыта, и на ней светилась надпись: «Внешняя переходная зона хронопровода. Опасно для жизни! Не входить! Не открывать!»

Они шли уже шестой час подряд с небольшими остановками на отдых. Коридор не кончался, однообразный, как тоннель метро. Примерно раз в час раздавался гул и тряслись стены и пол, причем каждый раз это предварялось длинным тоскливым паучьим криком, то далеким, то близким, хотя сами пауки не показывались.

Обнаружились еще следы, тоже припорошенные новым слоем пыли, скорее всего, собачьи, а может, волчьи. Животное бежало во встречном направлении, потопталось у двери с надписью «Смотровой колодец» и побежало обратно. Иван пробовал открыть и эту дверь, но, как и в прошлый раз, открыть – открыл, но ничего не увидел: теперь за дверью была белая мгла, похожая на молоко, луч света увязал в ней, как в плотном тумане.

Правая стена казалась монолитом, но все же они нашли в ней свежую трещину, не настолько широкую, чтобы протиснуться в нее, но достаточную, чтобы заглянуть. За стеной располагался треугольный зал с круглой дырой люка в потолке, сквозь которую в зал сочился тусклый желтый свет и доносились уже знакомые звуки: всхлипы, пыхтение и какой-то непрерывный шелест.

– Все! – сказал Иван и стукнул стержнем о пол. – Пойдем назад. Все-таки с той стороны подземный мир разнообразнее.

Тая молча кивнула и облизнула сухие губы. Она устала, хотела пить и есть, и призрак голода поманил Ивана из темноты костлявым пальцем. Пить и есть было нечего, а до пролома в стене, через который они проникли в этот коридор и который таил хоть какую-то надежду, было не меньше двадцати пяти километров – пять-шесть часов ходьбы.

– Там впереди что-то лежит...

Иван оглянулся, напрягая зрение, и далеко по коридору, там, где сходились его стены, увидел какой-то предмет, холмик. До него было с километр, идти туда не хотелось смертельно, однако они нашли в себе силы преодолеть усталость и дойти до холмика. Им оказалось тело лежащего ничком человека в защитном френче и в ботинках пятидесятого размера.

Иван оглянулся на спутницу, перевернул незнакомца и отпрянул. Девушка вскрикнула, зажимая рот ладонью.

Лицо незнакомца представляло собой кровавое месиво, а в груди зияла выжженная дыра величиной с кулак. Вспомнился пистолет, стреляющий факелом огня. Не результат ли выстрела из него – дыра в груди?

– Кто его... так? – прошептала Тая.

Костров угрюмо оглядел коридор, но следов борьбы не увидел. Человека просто убили двумя выстрелами в упор, он явно не ожидал нападения.

Превозмогая брезгливость, Иван обшарил карманы убитого, но ничего не нашел, кроме махорочных крошек и пожелтевшего листка газеты с датой: 11 ноября 1942 года. Оглянулся на Таю.

– Может, возьмем его мундир?

– Ни за что! Я до него даже не дотронусь!

– Тогда поворачиваем.

Они направились обратно к началу коридора, откуда начали свое путешествие, но смогли продержаться на ногах лишь два часа. Дальше идти у Таи не хватило сил. Тогда Иван решил хоть немного поспать, устал он тоже изрядно, да и есть хотелось просто зверски. И не шел из головы убитый незнакомец в мундире времен Второй мировой войны.

– Как ты думаешь, за что его убили? – сонно спросила Тая, которую мучили те же вопросы.

– За дезертирство, – ответил Иван, снимая с себя куртку. – Если бы я знал, где мы находимся...

Постелили на полу у стены куртку Ивана, легли и накрылись зеленой штормовкой Таи. Девушка уснула мгновенно, доверчиво прижавшись к Ивану и положив голову ему на грудь.

Несмотря на усталость, Иван долго не мог заснуть. Так и лежал, обнимая Таю, чувствуя пьянящую близость горячего девичьего тела и какую-то восторженную нежность к этой красивой умной девушке, сумевшей сохраниться неизбалованной в век быстрых знакомств и расставаний без сожалений. Ему нравилось, как она говорит, ходит, улыбается, нравилось, что она понимает все с полуслова, не жалуется на усталость и голод, что она доверчива, как ребенок, и при всем при том умеет вести себя в любой обстановке. Но Иван не знал, какие чувства испытывает к нему Тая. Она была равна, дружелюбна – и только. Несколько часов в этом странном мрачном подземелье сблизили их больше, чем две недели у паучьего конуса в Брянском лесу, но что будет дальше? Иван гадать не хотел. Не удержавшись, он коснулся волос девушки губами и уснул, готовый защищать ее от любого врага.

Проснулся он от боли во всем теле. Тая спала в том же положении, ее волосы щекотали его шею. Он осторожно переменял позу, посмотрел на часы: прошло всего два часа. Оглядел пустой коридор – никого – и тут же снова уснул. И даже ежечасный гул и дрожь пола не могли их разбудить. Лишь через пять с половиной часов он проснулся окончательно.

– Ты знаешь, – сказала Тая, поворачиваясь к нему лицом, – мне было так уютно и тепло! И снилось, что ты меня целовал.

– Мне тоже, – пробормотал Иван, разминая затекшую руку.

– Что тоже? – Тая засмеялась. – Что уютно или что целовал?

– Ничего не снилось, – с сожалением признался он. – Но я бы не отказался...

Она мгновение смотрела ему в глаза, потом наклонилась, быстро поцеловала и тут же вскочила.

– Вставай, соня! Проспишь с тобой все на свете! Я такая голодная, что, если ты еще раз уснешь, я тебя съем.

Немного приободрившись, они снова тронулись в путь, стараясь не вспоминать мертвеца в коридоре. Конечно, Иван мог отбиться от любого вооруженного бандита, а то и двух-трех, но о серьезном сопротивлении группе профессионалов с огнестрельным оружием, не говоря уж об их странных пистолетах-лучеметах, не могло быть и речи. Оставалось уповать лишь на скорую разгадку подземного феномена да на счастливый случай. Почему-то Костров был уверен, что «десантники» бродят где-то по другим коридорам и труп в этом коридоре – дело не их рук. Приключение с Таей перестало казаться Ивану романтическим, но изменить что-либо было не в его силах.

По их расчетам выходило, что они провели в залах и тоннелях подземелья уже более семнадцати часов. На воле – где именно, Иван представлял смутно, скорее всего в Брянском лесу, – была, должно быть, ночь.

Вскоре они нашли знакомый пролом в стене, сквозь который выбрались в коридор. Иван первым полез в темноту, держа наготове свою дубинку.

Вертолет, из которого выпала Тая, был на месте, ничего в этой комнате не изменилось. А вот вертолета Ивана в зале без потолка не оказалось. Иван обыскал весь зал до самых глухих тупиков, но не нашел следов.

– Все! – сказал он горестно. – Я больше ничему не удивлюсь! Присниться он мне не мог, потому что вот фонарь из него, а утащить его отсюда невозможно, в пролом и щели он бы не пролез. Может, пауки разрезали его на части?..

Тая молчала. Ей было не по себе, и она то и дело посматривала на подрагивающую серую пелену, нависшую над залом вместо потолка.

Снова выбрались в комнату с пультами, потом в первый коридор, более узкий, чем тот, по которому отшагали с полсотни километров в оба конца. Этот коридор пострадал гораздо больше и местами был завален обломками рухнувших стен или останками каких-то непонятных аппаратов или машин. Двери здесь шли группами то с одной, то с другой стороны и почти все были распахнуты, открывая взору разгромленные комнаты, залы, клетушки и боксы. В

одной из комнат им впервые повстречался паук, перепугавший Таю. Он выпрыгнул из угла, света глазами, вбежал на холм белых цилиндров, скрипуче крикнул, вернее, даже не крикнул, а кашлянул, и исчез в какой-то щели, прежде чем Иван успел что-нибудь предпринять.

Тая отпустила плечо Ивана, виновато посмотрела на него.

– Знаешь, я, наверное, к ним не привыкну. А глаза, ты видел его глаза?

Я проснулся в ночной тишине,
И душа испугалась молчания ночи.
Я увидел на темной стене
Чьи-то скорбные очи.

Иван продекламировал стихи и грустно посмотрел на девушку.

– Что-то скорби в них я не заметила, – фыркнула Тая. – Ты любишь Блока?

Иван улыбнулся.

– А кто его не любит?

– Я отношусь к нему спокойно. Но тебя понимаю.

– Если говорить об очах, то мне, честно говоря, больше нравится Заболоцкий:

Ее глаза – как два тумана:
Полуулыбка, полуплач...
Ее глаза – как два обмана,
Покрытых мглою неудач...

Тая задумчиво и удивленно посмотрела на Ивана, но ничего не сказала.

Они миновали ряд темных комнат и, не сговариваясь, одновременно прикинули к длинной трещине, пересекающей стену тупика наискось. Еще один зал с горами каменных обломков, металлических предметов, цилиндров, но главное – с двумя длинными узкими окнами, через которые в зал вонзалось золотистое, без теней, сияние. И еще. Знакомые всхлипы в этом зале усилились до громкого и гулко-го шипения, словно за стеной выпускали пар из котла, то закрывая, то открывая вентиль.

– Выход? – полуутвердительно сказал Иван. – Но как туда добраться? В щель нам, пожалуй, не протиснуться.

Он попробовал действовать стержнем как рычагом, но с таким же успехом можно было пытаться пробить стену голой рукой.

– Черт, не везет! Отдохнем?

Тая задумчиво побродила по комнате, рассматривая разбросанные по полу непонятные предметы. В дальнем углу она остановилась и включила фонарь.

– Иван!

Костров встал с глыбы не то камня, не то керамики с вкраплениями сверкающих шариков и подошел к девушке.

Луч света выхватил из тьмы колодец глубиной в десяток метров. На дне колодца лежали чьи-то кости, зеленовато-желтые и словно отполированные.

– Что здесь происходит, Ваня? – дрожащим голосом спросила Тая. – Куда мы попали?

Иван не успел ответить. Тяжкий удар потряс здание, качнулись стены, дрожь пола вошла в позвоночник через ноги. Вскрикнула Тая, едва не свалившись в колодец: Иван успел удержать ее за полу куртки. Снова удар и новая волна вибрации. Сквозь стихающий гул доносились далекие тревожные крики.

– Я боюсь! – шепотом сказала Тая, касаясь губами уха Ивана. – Этот страшный лабиринт, коридоры, комнаты... эти взрывы... Ваня, может, нас захватили какие-то пришельцы и увезли на свою планету? Я читала в одном рассказе...

Иван заставил себя рассмеяться, хотя ему было не до смеха.

– Чудачка ты моя, мы на Земле, а скорее всего, под землей. Пришельцы не стали бы писать на дверях по-русски.

– Русский-то он русский, но шрифт не очень русский... О, смотри! – воскликнула вдруг Тая. – Кажется, мы теперь сможем выбраться в тот зал!

Щель в светлый зал стала шире в полтора раза, сейчас даже Иван мог протиснуться в нее, не рискуя застрять.

Через минуту они были в зале, пробившись между грудями обломков и мусора и подбежали к окнам. То, что открылось их взорам, они увидеть не ожидали...

Окна выходили наружу в стене колоссального здания, крылья которого плавно заворачивались полукольцом по гигантскому радиусу вправо и влево и терялись за горизонтом, а на высоте около трех сотен метров над котловиной, заполненной золотистым маревом, постепенно становились прозрачными и исчезали! В центре котловины сияние было особенно сильным, и марево там истаявало в темном небе струями свечения, оранжевыми и малиновыми полосами. Оттуда доносились глухой рокот, равномерное шипение пара и густое астматическое дыхание.

Завороженные страшной картиной, Иван и Тая простояли полчаса, разглядывая котловину с золотым светящимся туманом, стены здания, уходящие вверх на громадную высоту и в стороны по кругу, с рядами окон и похожих на черные кляксы пятен.

– Да! – сказал наконец с чувством Иван. – На Землю это мало похоже! Но пришельцы – чушь!

– Что тогда? – тихо спросила Тая. – Где мы, по-твоему?

Иван промолчал, и они с новым вниманием принялись рассматривать ландшафт с высоты в двести метров.

– Под нами вроде бы лес, – неуверенно сказал Иван. – Спуститься бы... Но как?

– Если это здание, то должны быть лифты или лестницы. Поищем, а не найдем – вернемся сюда и будем думать снова.

Иван колебался, поглядывая на шапку светящейся субстанции в котловине, и решительно направился в глубь зала.

– Не отставай и смотри под ноги, тут колодцев хватает.

Голод и жажда, мучившие их уже более полусуток, несколько притупились, уступив место волне возбуждения и надежды.

Глава 3

Им повезло – этот коридор не был бесконечным. Уже через полчаса он вывел их в круглый зал, пронизанный в центре трубой диаметром около трех метров. С одной стороны в трубе располагалось окно или дверь из толстого матового стекла. За стеклом ничего нельзя было разглядеть, хотя Ивану показалось, что он видит какую-то объемную решетчатую конструкцию.

– Лифт, наверное, – сказал он, постучав по стеклу и прислушиваясь к тонкому хрустальному звону.

Зал был совершенно пуст, весь в пятнах какой-то краски или копоти. Пыли здесь оказалось меньше, но это не могло скрыть следов, пересекающих пол в разных направлениях. Здесь были следы округлые и овальные, маленькие и большие, принадлежавшие собакам и другим животным, но были следы, заинтересовавшие Ивана, – человеческие. Проходили двое, причем босиком. Эти следы выходили из стеклянной двери лифта, как Иван назвал трубу в центре зала, и заканчивались у двери с металлической полоской: в зале таких дверей было две. Проход из коридора, через который они проникли в зал, так и остался открытым.

Иван попробовал открыть дверь, но одна из них приотворилась на мгновение и снова захлопнулась, а вторая, свернувшись и растаяв, открыла за собой темный провал с наклонными металлическими балками, на которых кое-где сохранились ступеньки и даже целые марши лестницы. Спуститься по ней без спецснаряжения было невозможно.

– Да-а, – протянул Иван, посветив вверх и вниз. – На веревках кое-как можно спуститься... – Он замолчал. В шахте лестницы родились какие-то звуки: далекий визг, удары и уханье, перекрывшие прежние шумы – шелест, потрескивание, шепчущее эхо... Отзвуки жизни... Внизу кипела активная жизнь, явно отличающаяся от тишины и неуютя этого мертвого горизонта.

Иван перестал светить вниз и поставил фонарь так, чтобы свет рассеивался стеной зала.

– Что будем делать дальше?

Они посмотрели друг на друга. Тая держалась бодро, но была бледна, под глазами легли тени, лицо осунулось. Иван невольно потрогал суточную щетину на щеках, усмехнулся. О бритве, видимо, надолго придется забыть.

– Надо спускаться на землю, на первый этаж, – сказала Тая. – Здесь все мертво.

– И не соблюдается элементарная демографическая установка, – подхватил Иван. – Нет достаточного для проживания количества пищи, одежды и жилья... У меня была конфета, но я ее съел. А норма для человека таких габаритов, как я, – три тысячи восемьсот килокалорий в день!

Тая красноречиво проглотила слюну, и они одновременно засмеялись. О килокалориях можно было только мечтать.

Решили поискать в ближайших комнатах хоть что-то напоминающее веревку. Пути вниз, на уцелевшие марши лестницы, не было.

– Эх, работал бы лифт! – вздохнул Иван, обойдя трубу с дверями. – Раз! – и мы внизу. – Он стукнул стержнем, с которым не расставался, в поющее стекло и заорал: – Сезам, откройся! Я кому говорю?! – И застыл с открытым ртом.

Дверь вдруг покрылась световой сеткой и бесшумно рухнула на пол грудой стеклянных кристаллов.

– Вот те на! – хмыкнул Иван, глядя на представшую взору кабину. – Неужели я потомок Соловья-разбойника?

Кабина была собрана из решеток, сквозь которые виднелись стены лифтового колодца, и освещалась мигающим голубым светом из невидимых источников.

Тая заглянула внутрь кабины, но Иван, опомнившись, оттащил ее в сторону.

– А если застрянем, кто поможет?

Тая пожала плечами.

– Как-нибудь выберемся. Голова у тебя имеется?

Иван молча повернулся и первым вошел в кабину, предварительно испытав прочность ее белого чистого пола. Слева от двери он увидел ряд темных окошечек. Одно из них светилось, но высвечивало не цифру этажа, а какой-то непонятный значок в виде стрелы, пересекающей два кольца.

– Мы здесь, – ткнул он пальцем в окошечко.

– По логике у тебя была, наверное, пятерка, – с веселыми искрами в глазах предположила Тая.

Иван сделал вид, что не заметил в ее словах иронии.

– Где же у них нижний этаж? Вдруг здание уходит под землю?

– Я тоже об этом подумала.

– Но если судить по той высоте, на какой находится мертвый наш этаж, то здесь явно не хватает кнопок: их должно быть не меньше сотни, а тут всего десяток.

– Может, высота этажей не везде одинакова?

– Все равно что-то тут не так. – Иван оглянулся. – Рискнем?

Тая не опустила взгляда. «Что нам остается?» – понял ее Иван.

– Заходи, цепляйся за меня.

Они встали в центре кабины, Тая обняла Кострова сзади, и он тронул самое нижнее окошечко. Раздался двутональный гудок, заставивший их вздрогнуть, но кабина осталась на месте.

– Так. Наверное, на нижний этаж лифт не идет. Попробуем на второй снизу.

Снова резкий сигнал – и никакой реакции лифта.

– Может быть, механизм испортился? – робко предположила Тая. – Видишь, и дверь рассыпалась...

Иван хмыкнул:

– Может быть... может быть, это и не лифт вовсе.

Над рядом окошечек он увидел буквы ТФ и ряд цифр – 2301, подумал, что где-то уже видел эти цифры, причем недавно. Где именно?.. Вспомнил, поднял стержень и прочитал на торце буквы и цифры: «МК-2301». М-да, если бы к этим цифрам и буквам были еще и поясняющие надписи...

Иван нажал ближайшее к светящемуся окошечко, и в тот же миг на них обрушилась тяжесть, едва не свалившая с ног. Тяжесть быстро прошла, наступила невесомость, отчего Таю затошнило, она вскрикнула, уцепилась за Ивана, напрягшегося как при падении. Но и невесомость прошла быстро, сладко ныли мышцы тела, голова казалась пустой и звонкой, потрескивало в ушах, во рту появился сладкий привкус.

Окошечко, на которое надавил Иван, светилось, и на нем были нарисованы другие знаки: контур человеческой ладони, а под ней дефис и цифры: «10 000».

– Приехали, – с облегчением сказал Иван. – Наверное, лифт сверхскоростной, с дикими ускорениями. Теперь поищем выход.

Они вышли из лифта в кольцевой зал и поняли, что лифт действительно перенес их на другой горизонт здания.

Запах здесь стоял, как в зверинце. Зал некогда был отделан под розовый мрамор, но пол его был усеян птичьим пометом и так истоптан, что потерял первоначальную окраску. Впрочем, помет оказался не птичьим. Как только Иван включил фонарь, под потолком зала раздался тонкий писк, захлопали крылья, и стая летучих мышей ринулась в глубь мрачного коридора, исчезнув в темноте.

– Так и посидеть недолго! – сказала Тая со смешком, не спеша отпустить локоть Кострова. Тот прижал палец к губам.

– Тише!

Где-то далеко послышался странный звук – рев трубы с плачущим отголоском, который повторился еще и еще. Затем донеслись крики какой-то птицы, хруст ломающихся ветвей, лай, и все стихло.

«Жизнь! – подумал Иван с некоторой тревогой. – Карабин или хотя бы ивашуринское ружье не помешали бы...»

– Выключи свет, – посоветовала Тая.

Постояли, привыкли к темноте. Постепенно стали различать отсвет на стене зала, но коридор, в котором исчезли летучие мыши, остался заполненным полнейшим мраком. Иван оглянулся и сжал плечо девушки. Дверь лифта была цела, и сквозь нее было видно, как в трубе проносятся сверху вниз цепочки голубых огней, словно воздушные пузыри в воде. Промчались, и лифт снова стал темен и нем.

Они осторожно обошли трубу. Свет шел из другого коридора, дверь из полупрозрачного коричневатого материала лежала на полу и была смята как тряпка. Коридор, тоже истоптанный грязными следами, вскоре вывел путешественников в просторное помещение без окон и второго выхода, но с дырой в человеческий рост, по-хозяйски прикрытой листом полированного металла. Из щели между листом и стеной бил желтый луч света и тянуло холодом.

Иван подбежал к щели, уперся стержнем и с натугой откинул тяжеленный лист, упавший, как чугунная чушка весом в полтонны. В лицо хлынули желтый свет, морозный свежий воздух и волна незнакомых запахов и звуков. Снаружи в нескольких шагах начинался заснеженный лес, над которым пылало желтое зарево... Завороженно глядя на лес, Иван шагнул было к дыре, но остановился, заметив необычность сделанного в стене прохода.

Дыра была пробита из помещения наружу каким-то мощным энергетическим выхлопом – лазерным, плазменным или иным, и расплавленный металл стены, застыв, образовал полупрозрачную корону из острых зубцов и нитей метровой длины.

Оглянувшись на Таю и встретив ее вопрошающий взгляд, Иван попробовал ногой прочность короны – держит – и выбрался из помещения первым.

Они стояли на снегу у стены здания, поднимавшегося над ними на недостижимую высоту. Вершина терялась в небе где-то на высоте не менее полутора километров, а насколько оно простиралось в длину, можно было только гадать.

Мороз был несильным, около пяти-шести градусов, но путешественники были одеты не по-зимнему и долго выдержать даже такую температуру не смогли бы.

– Снег! – тихо проговорила Тая. – В сентябре – снег!

– Это там был сентябрь, – так же тихо сказал Иван. – В Брянском лесу. А перед нами – не Брянский лес.

Узкая полоса свободной от деревьев земли отделяла стену здания от стены чужого, застывшего в настороженном молчании леса. Снег был разрисован звериными следами, особенно в том месте, где вышли Иван с Таей. Видимо, именно через этот лаз проникли в здание животные и летучие мыши. Сквозь неумолимый далекий рокот и ритмичное шипение доносились иногда крики птиц, треск ветвей и взлаивающий рев. Земля тряслась мелкой дрожью. Тая первой обратила внимание на это – внутри здания дрожь не ощущалась.

Иван крепче сжал свою дубинку, взял за руку девушку.

– Пошли, иначе замерзнем.

– А куда идти?

– Все равно куда. Пойдем в сторону зарева, может, встретим людей, да и что-нибудь из еды поищем. Назад вернуться успеем всегда, здание видно издалека.

Тая зябко поежилась, но не возразила, хотя было видно, что идти ей никуда не хочется.

Лес был в основном лиственный: береза, ольха, верба, реже встречались осина и тополь, но попадались и сосны. Иван обратил внимание на то, что у многих берез обломаны ветви и содрана кора, а снег рядом утоптан громадными следами – круглыми, как тарелка, размером с полметра.

– Медведь? – робко спросила Тая, с опаской разглядывая следы.

Иван нагнулся, понюхал воздух.

– Не похоже, и пахнет псиной.

Неподалеку раздался рев пополам с надсадным кашлем. Тая вздрогнула, посмотрела на Кострова. Тот застыл, прислушиваясь.

– Странный крик, – сказал он медленно. – Где-то я слышал его раньше... Кажется, в зоопарке. По-моему, так кричат рассерженные слоны.

– Слоны?! Откуда они здесь?

Иван промолчал: он знал столько же, сколько и Тая. К тому же его больше занимали мысли о еде, потому что желудок уже в который раз напоминал о себе.

Дальше пробирались молча, утопая в снегу по щиколотку, реже по колено. Набредли на рябину, сохранившую несколько кистей ярко-алых ягод. Съели по пригоршне, хотя челюсти сводило от кислоты и горечи. Тая захватила несколько гроздей с собой – все же какая-никакая, а еда. Иван заел ягоды снегом, вспомнив, что давно хочет пить.

Через полчаса заметили впереди просвет между стволами берез, ускорили шаг. Иван пролез под ветвями разлапистой ели, вышел на край поляны и замер. Посреди поляны стоял... мамонт! Гигантское буро-коричневое тело, крутой лоб с выпуклыми надбровьями, загнутые двухметровые бивни, хобот, вытянутый в их сторону... Мамонт смотрел на застывших людей, пошевеливая ушами и словно размышляя, что с ними делать. Мрачный вид и неподвижность неожиданных гостей, видно, успокоили его. Мамонт фыркнул, повернулся к людям боком и стал рыться хоботом под снегом, извлекая пожухлую траву и закидывая ее в пасть.

Совсем близко раздался короткий визгливый рев, мамонт вздернул хобот и ответил лающим криком.

Тая потянула Ивана за рукав, и они обошли поляну порядочным крюком. Остановились отдышаться под поваленным тополем.

– Мамонты, – сказал Иван, отогревая Тайны пальцы в руках. – Вымершие, насколько я знаю, около десяти тысяч лет назад. Это шерстистый мамонт, живший в верхнем плейстоцене около тридцати тысяч лет назад.

– Что будем делать дальше, капитан?

Тая с сомнением посмотрела на стержень в руке Ивана, и ее спутник понял ее взгляд. «Против мамонта с этой палкой не пойдешь, – говорили глаза девушки. – И кто еще встретится?»

– Пробежимся? – предложил Иван. – Хоть согреемся.

Они побежали, проваливаясь в снег.

Местность заметно понижалась – начался, очевидно, спуск в ту котловину, которую они увидели из окна сверху. Бежать было все легче, словно они теряли в весе. Заметив это, Иван замедлил бег. Деревья становились ниже, тоньше и почти все, будто под напором ветра, наклонялись вершинами в сторону центра котловины. Здесь было светло как днем, но свет был какой-то странный – золотистый, не дающий теней.

Тая тоже заметила перемены в окружающем ландшафте и посматривала на Ивана искоса, ожидая его решения. Наконец деревья пошли в рост человека, поредели, и впереди показалась голая снежная равнина до горизонта. Иван остановился, глядя на золотую сияющую пелену в половину небосклона. Рокот исходил из этой пелены, иногда оттуда доносились более громкие басовитые удары, вызывающие заметные колебания земли. После каждого удара над золотым заревом вставал факел белого пламени и расплывался сияющим зонтиком, из которого начи-

нал идти золотой дождь, тускнеющий до малинового свечения. Чтобы слышать друг друга, здесь приходилось повышать голос.

– Мне кажется, туда идти опасно, – сказала Тая.

Иван и сам думал о том же. Он заметил, что по снежному полю метет поземка – в безветрии! Причем она пульсирует – то усиливается, то ослабевает, и в такт этим пульсациям из золотой бездны долетает густое шипение, словно там на гигантскую раскаленную жаровню ритмично льют воду.

– Ты, безусловно, права, – сказал Иван. – Туда мы не пойдем. – И вдруг сжал руку Таи до боли. – Смотри!

В сотне метров от них катился из леса черный ручей. Он распался на струи, осмысленно обтекающие кусты и деревья, и, не сбавляя скорости, понесся по снежному полю. То были пауки!

Через несколько минут поток пауков иссяк и вскоре исчез в снежной коловерти. Иван опомнился и отпустил руку девушки. Они молча посмотрели друг на друга. У обоих мелькнула одна и та же мысль: это был мир пауков или кто там они были на самом деле, и люди попали в него случайно. «Но где этот мир? – подумал Иван. – Под землей Брянского леса или?.. Впрочем, что значит «или»? Мы же трезвомыслящие люди, надо просто найти правдоподобное объяснение всему этому безобразию! Самое простое объяснение... самое простое... Сон? Бред? Господи, насколько это тривиально! Я же уверен, что не сплю...»

– У меня замерзли ноги, – совсем тихо сказала Тая.

Иван очнулся, огляделся по сторонам и направился в глубь леса.

– Сейчас, Тая, потерпи чуток. Разведем костер и согреемся.

Костер дымил и стрелял искрами, но горел.

Сухостоя в этом лесу не было, лишь иногда встречались сухие ветки, обломанные мамонтами, поэтому Иван нарезал ножом живых ветвей с берез и тополей. Таю он усадил на лапник, благо сосны и ели росли рядом с костром.

Вскоре они согрелись, и, если бы не сосущее чувство голода, настроение было бы значительно лучше.

С небес продолжал литься на землю приятный золотистый свет, почти не дающий теней. Глухо клочкотал неведомый вулкан, дрожала земля. Где-то продолжали трубно перекликаться мамонты, а один раз донесся пронзительный визг дикой свиньи и утробное уханье не то зверя, не то птицы.

Они молчали. Говорить было не о чем. То, что с ними случилось и что происходило вокруг, пересекло горизонт восприятия необычного, душевных сил на постоянное удивление не хватало, да и физические убывали с каждым часом. Иван со страхом подумал, что может свалиться без сил прежде, чем они найдут пищу. Приключение затягивалось, и надо было беспокоиться о будущем, не надеясь на скорое возвращение из необычного плена или на чью-нибудь помощь.

– Помыться бы, – сказала вдруг Тая грустно. – В бане. Я грязная, как замарашка. А у теток такая прекрасная баня!

– Не мешало бы, – согласился Иван. – Кстати, слово «баня» в переводе с тюркского означает: изгонять боль и грусть.

По лесу раскатилась частая дробь, словно кто-то стучал колотушкой по стволам деревьев. Иван повернул голову, но не двинулся с места. Снова деревянная дробь, затем вскрик, шум, возня, рычание...

Иван вскочил, настороженно прислушался к шуму борьбы.

– Наших бьют. Помочь, что ли?

Тая не улыбнулась шутке.

Глухие удары, топот, треск сучьев, снова рычание, и все стихло, доносилось лишь ставшее привычным далекое гроыхание.

– Посиди, я сейчас. – Иван подумал, взвесил в руке стержень и отдал его Тае. – Держи на всякий случай. Пойду посмотрю, что там за возню устроили.

Тая только кивнула, сил возражать у нее не было. Лицо девушки еще больше побледнело, нос заострился, губы потрескались. У Ивана сжалось сердце, он вернулся, поцеловал ее в щеку, отчего девушка виновато улыбнулась, и быстро направился в сторону источника недавнего шума.

Через несколько минут он вышел на вытопанную мамонтами тропу и увидел необычного зверя, похожего на льва и на тигра одновременно. У него была короткая желтоватая шерсть, мощные лапы и великолепные клыки, которыми он разрывал плоть небольшой лошади. Зверь повернул к Ивану окровавленную морду, прятнул ушами и низко рыкнул, как бы предупреждая: не мешай, прошу по-хорошему!

Несколько минут они смотрели друг другу в глаза, потом тигролев еще раз рыкнул и принялся доедать добычу. Иван отступил за ствол березы и вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб. У него был нож, но считать его оружием против зверя было невозможно.

Через четверть часа тигролев насытился, оглянулся на человека, словно приглашая к трапезе, и гордо удалился прочь, ступая тяжело, но бесшумно и мягко. Вскоре в той стороне раздался тревожный вопль мамонта. «И все же на тигра он не похож, – подумал Иван, выжидая. – Скорее лев, пещерный лев, но без гривы. Где-то я читал, что у пещерных львов не было гривы... и таких клыков... разновидность какая-то. Но откуда он здесь? Впрочем, оттуда же и мамонты. Это их мир, и пришельцы в нем мы, а не они...»

Подождав еще несколько минут, Иван подбежал к убитой лошади и торопливо вырезал несколько кусков мяса из нетронутых лодыжек и крупа.

Тая ждала его стоя, судорожно сжимая в руке стержень и напряженно прислушиваясь к новому звуку: повизгиванию и поскуливанию в десятке шагов от костра. Иван успокаивающе погладил ее по спине, шагнул в сторону звуков и рявкнул:

– Пшел вон!

Кто-то шархнулся по кустам, потрещал ветками, и все стихло.

Иван невольно засмеялся, бросая мясо на снег.

– Выходит, мы не самые слабые в этих краях. Наверное, собака...

Они жарили ломтики конины, насаженные на прутья, и ели, обжигаясь. К этому рациону не хватало хлеба и соли, но оба понимали, что им, возможно, предстоит еще привыкать и к сырому мясу, чтобы остаться в живых. На помощь рассчитывать пока было нечего...

Глава 4

Несмотря на то что в этом страшном мире стоял вечный желтый день, их потянуло ко сну: биологические часы организма были настроены на привычный двадцатичетырехчасовой цикл. В лесу спать было холодно, да и небезопасно – костер еле горел, а у них даже не было зимней одежды.

– Придется идти спать в крепость, – сказал Иван, скидывая глаза на стену здания, нависшую над ними. – Там хоть тепло, а повезет – так и уют найдем.

О том, что по зданию где-то, возможно, бродят «десантники», убивающие людей, он старался не думать.

Тая согласилась. Она была сыта, сил заметно прибавилось, к тому же на настроение благотворно влиял небольшой запас жареного мяса, завернутый в бересту и отягощавший карманы куртки Ивана. На пути к зданию они встретили мамонта, обгладывавшего кору березы. Мамонт был космат и явно ниже первого. Один бивень у него был сломан, и мамонт дрожал крупной дрожью, что было заметно даже сквозь густую бурую шерсть.

– Замерз, бедняга, – пожалела его Тая.

Иван отрицательно покачал головой.

– Они не боятся холода, тут что-то другое. Может, заболел.

Постояли, глядя на гиганта с явным сочувствием. Ветер донес издали долгий тоскливый вой. Мамонт вздернул голову, хлопнул ушами, прислушался и молча подался в чащу, оставляя на кустах и ветках деревьев клочья шерсти.

– Паук? – нерешительно спросила Тая.

– Не похоже, крикунов тут достаточно и без пауков. Пойдем, незачем ждать приключений.

Они пробрались сквозь кустарник к стене здания – странно пятнистой, ячеистой, с рядом слепых черных пятен. Никаких дверей видно не было, а окна начинались метрах в двадцати от земли и, насколько хватало глаз, все были целые, без трещин и пробоин. Эти проемы Иван называл окнами больше по привычке, на настоящие окна они походили мало.

– Наверное, мы уклонились от дыры, – пробормотал Иван. – Поищем? Она должна быть недалеко.

Тая первой двинулась вдоль стены. Эксперт с невольной жалостью посмотрел на ее короткие сапожки. Тая часто проваливалась в снег до колен, и ноги, наверное, были совершенно мокрые. Как и у него, впрочем.

Они прошли около километра. Ячеи сменились выпуклостями, окна то пропадали совсем, то шли длинными рядами, а входа все не было. Пока шли, было тепло, но стоило остановиться, как холод возвращался под одежду... Посмотрели друг на друга и повернули обратно. Не успели пройти несколько десятков шагов, как впереди вдруг бесшумно отъехала в сторону часть казавшейся монолитной стены, и на снег вылился черный ручей. Снова пауки!

Тая подалась назад. Иван поспешил закрыть ее телом, поднимая вверх руку с дубинкой. Но паукам было не до них: ни один не свернул в сторону и не посмотрел на замерших людей. По снегу они передвигались так же быстро и плавно, как и по твердой земле, словно скользили по нему на невидимых лыжах, и, лишь приглядевшись, можно было заметить, как работают их членистые ноги. Странные это были пауки. И не потому, что размеры их превышали размеры любого паука на земле. Было в них нечто от гибкости змей, и от механической равномерности и целеустремленности машины, и что-то еще – неуловимое изящество геометрических форм, запах мысли и опасности, что всегда отличало живое от неживого...

Ручей пауков исчез за деревьями, на снегу остался только странный дырчатый след, непохожий на след живого существа. «Противоречие, – подумал Иван. – В них много и от живого, и от неживого...» Он вспомнил – дверь! И потянул Таю за собой.

– Бежим.

Через несколько секунд они оказались в здании, и тут же блок стены совершенно бесшумно и без помощи каких-то видимых механизмов стал на место и закупорил проход. Наступила темнота и тишина. Иван зажег фонарь и зажмурился от брызнувших со всех сторон искр.

Они стояли в ледяном гроте – таково было первое впечатление. Слегка наклонные стены – в пластах хрустального, с белыми прожилками льда, сводчатый потолок – сплошной искрящийся слой снега со льдом. Однако это был не лед. Материал стен грота был теплым и щипался электричеством. Лишь пол не создавал иллюзий насчет своей основы – металл, похожий на хромистую сталь.

– Тепло, но слишком жестко, – сонным голосом сказала Тая.

Было видно, что дальше идти ей смертельно не хочется, но право решения она оставляла мужчине. Иван невольно улыбнулся.

– Ты права, к тому же здесь шастают пауки. Поищем более укромное убежище, и вообще у меня идея – попробовать выйти на другую сторону здания.

У Таи загорелись глаза, но тут же погасли.

– Мы же пробовали в коридоре, помнишь?

– Плохо пробовали. Но отложим поход на утро...

Иван не договорил. Где-то внутри здания родились шорохи и скрипы, гулко ударил невидимый гонг. Стены грота стали потрескивать, искриться. Иван выключил фонарь, но темнота не наступила, они были окружены призрачным холодным сиянием стен. Шорохи приблизились, распались на дробное постукивание сотен быстрых ног.

Иван затравленно огляделся – бежать было некуда – и отступил, насколько смог, с середины грота к стене. В ту же секунду дальний тупик грота раскололся щелью, из которой выкатился знакомый черный поток пауков. Пахнуло свежестью и эфиром.

Бесшумно отошел в сторону блок выхода наружу, передний отряд пауков выкатился на снег, а остальные равнодушно бежали следом, не обращая внимания на людей. Они бы так и проскочили мимо, но Тая вдруг пошатнулась. Иван едва подхватил ее на руки. Последний из замыкающих колонну пауков замедлил бег и остановился, обернувшись к ним блюдцами глаз и приподняв переднюю пару лап. Иван опустил Таю и угрожающе поднял свое оружие. Паук, казалось, раздумывал, что делать, потом вдруг испустил тонкий лучик света, ощупал им фигуры людей, повернулся и припустил за своими собратьями. Блок выхода встал на свое место, потемнело. Сияние уходило в глубь стен, запах озона исчез.

Иван снова включил фонарь, с тревогой глядя на Таю. Девушка побледнела еще больше, глаза ее лихорадочно блеснули. «Не заболела бы!..» – озабоченно подумал он.

– Сможешь идти?

– Наверное, смогу, но куда?

Иван повел лучом фонаря и нащупал плечо Таи. Проход, через который пауки проникли в грот, остался открытым. Гадать, почему он открыт, было некогда, и они побежали, хотя Иван признался себе, что у него сил почти не было. Что же говорить о Тае?

Они выбежали в обширный зал, занятый какими-то громадами, словно покрытыми черным лаком. Одна из них тихо, как трансформатор, гудела, и над ней крутились фиолетовые огоньки. Запах здесь стоял странный – сладкий, с привкусом мяты и полыни. Пол в зале напоминал черное стекло и был теплым, почти горячим на ощупь, зато потолок отсутствовал, как в том зале, где Иван оставил вертолет. Вместо потолка на высоте полусотни метров колыхалась сизая дымная пелена.

Тая подумала, села на пол и сняла сапожки.

– Снимай и ты... тепло, согреемся.

Иван послушно снял свои когда-то щегольские фирменные сапоги и остался в мокрых насквозь шерстяных носках. Вскоре ноги и вправду согрелись, приятное тепло растеклось по всему телу.

У них хватило сил поискать нишу между одной из темных машин и стеной зала, постелить многострадальную куртку Ивана и лечь. Оба уснули почти мгновенно и не слышали, как гудящая громада в другом конце зала трижды со странным звуком выпускала из своего чрева потоки пауков...

Спали они семь часов по часам Ивана, а проснувшись, не сразу вспомнили, где они и почему так тверда их постель.

В зале было все так же тепло, только теперь гудели и потрескивали уже четыре громады. В глубинах пола пробегали длинные голубые искры, а иногда целые дорожки непонятных символов и цифр.

Иван сделал зарядку, погладил порядком подросшую щетину на подбородке и перехватил взгляд Таи.

– Что, хорош?

Тая улыбнулась.

– А борода у тебя темная, не рыжая, как волосы. Что будем делать, капитан?

– Сначала – завтракать. – Иван вытащил ломти мяса. – Потом пойдем искать противоположную сторону здания. А что, есть другие варианты?

Тая пожала плечами и стала надевать высохшие сапожки. Иван с трудом натянул свои.

Через четверть часа они вышли в путь с новой надеждой на успех. Ивану пришло на ум изречение Бэкона: «Надежда – хороший завтрак, но плохой ужин», – однако он не стал высказывать его вслух.

Выход из зала нашелся быстро. Их было несколько – многометровые арки в толще стен. Пройдя арку, путешественники вышли на узкий балкончик, опоясывающий обширную шахту, которая уходила вниз на неизвестную глубину. Верх шахты исчезал в колышущейся синеватой пелене. Иногда внизу что-то остро посверкивало, и мимо балкона пролетали снизу вверх какие-то полупрозрачные бесплотные тени неуловимых глазом очертаний.

Они посмотрели минут пять-шесть и вернулись в зал. Второй выход – узкий лаз в темноту – вывел их в затхлый каменный мешок, где они нашли светящийся человеческий скелет. Часть ребер отсутствовала, будто их вырвали фрезой. Перед глазами встал труп человека в мундире с дырой в груди. Путешественники посмотрели друг на друга и поспешили отогнать безрадостное видение. Ситуация окончательно перестала нравиться Ивану.

Снова вернулись в зал. Иван обошел его по периметру, высвечивая каждую впадину, и обнаружил в центре колодец с белыми скобами, уходящими в темноту. Колодец был снабжен толстой прозрачной крышкой, в глубине которой светились буквы ТФМ и непонятный значок в виде стрелы, перечеркнувшей круг. Крышка была откинута.

– Влезем в какую-нибудь канализацию! – пробормотал Костров, глядя на светящиеся буквы. – Но выхода нет. Все арки ведут на балкон, а узкие трубки – в колодцы с костями. Смотри, снова те же буквы... Интересно, что они обозначают? Знаешь, мне пришла мысль, что здесь ходили люди.

– Через этот колодец?

– Не только. Вспомни лифт, разрушенную лестницу, двери, да и этот колодец с нормальной лестницей... Паукам все это не нужно: скобы, ступеньки, двери, широкие коридоры... Значит, строили здание люди?

– Логично. Но где же они? Почему встречаются только следы да пауки, непонятно как ворвавшиеся в Брянский лес?

Иван задумался, но мысль, которая, казалось, все объясняла, ушла, спряталась в ворохе впечатлений. Делать было нечего – следовало проверить, куда ведет этот колодец. Иван попробовал прочность первой скобы и полез в глубину. Опустившись на высоту своего роста, он неожиданно уперся ногами во что-то упругое. Посветил фонарем вниз, но увидел лишь продолжение колодца. Тем не менее ноги упирались в упругое препятствие, совершенно невидимое.

– Что там? – Шепот Таи отразился от стен странной трубы звонким дребезжащим эхом.

– Не понимаю... не пускает. Ничего не видно, но под ногами словно резиновая подушка.

Иван попробовал прочность «подушки», пару раз подпрыгнув, – держит.

– М-да, кажется, и здесь нам не пройти. Влипли.

– Подвинься, пожалуйста, я тоже попробую.

– Я вылезу.

– Нет-нет, одна я боюсь.

Тая забралась в колодец, и в тот же момент крышка люка бесшумно закрылась за ними, чуть не придавив Ивану пальцы. Прозрачная преграда под ногами засветилась призрачным зеленым светом, свет собрался в облачко и превратился в пылающие буквы и цифры: «ТП-22 000».

– Мембрана семь, – раздался снизу четкий мужской голос с едва заметным акцентом. – Спуск в пределах хроноперехода. Рекомендуются инкриентная ориентация и псивеллинг.

Через несколько секунд буквы погасли, а затем неизвестная упругая субстанция, на которой стоял Иван («Силовое поле», – мимолетно подумал он), стала опускаться. Костров автоматически ухватился за скобы, но те поехали под руками с той же скоростью, что и невидимое дно. И вдруг наступила невесомость!

Тая тихо вскрикнула от неожиданности и выпустила из рук фонарь. Иван чуть не выронил свой фонарь – тоже от неожиданности: показалось, что они сорвались и полетели вниз, в глубину колодца. Но скобы были под руками, ветер не свистел в ушах, ничего не изменилось, кроме ощущения потери веса.

Падали недолго: упругая сетка поймала их и мягко опустила на твердый пол. Иван перестал поддерживать Таю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.